

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ИГОРЬ НАРСКИЙ НАТАЛЬЯ НАРСКАЯ

НЕЗАМЕТНЫЕ ИСТОРИИ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ НА БЛОШИНЫЙ РЫНОК

ЗАПИСКИ ДИЛЕТАНТОВ

Культура повседневности

Игорь Нарский

**Незаметные истории, или
Путешествие на блошинный
рынок (Записки дилетантов)**

«НЛО»

2023

УДК 339.375:008
ББК 65.422.526-03

Нарский И. С.

Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов) / И. С. Нарский — «НЛО», 2023 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-4448-2130-5

Блошинные рынки стали популярны в Европе во второй половине XX века – в период, когда активное вмешательство большой истории с ее войнами, революциями и грандиозными проектами по «усовершенствованию» человека или общества в пространство частной жизни стало замещаться ностальгией по «добрым старым временам». Тем временем «барахолки» стали точкой, где важны оказываются личные нарративы, сходятся судьбы отдельных вещей и людей – бывших владельцев, продавцов и покупателей. Книга Игоря и Натальи Нарских – это и личная история любви к блошиным рынкам и старинным вещам, которые обретают новую жизнь у новых хозяев, и исследование этого феномена как особой среды со своими неписаными законами и региональными особенностями. Авторы рассказывают о прошлом, настоящем и возможном будущем таких рынков, которые сегодня конкурируют с интернет-площадками, и делятся своим опытом хранителей материальной памяти. Книга проиллюстрирована фотографиями из их семейного архива. Игорь Нарский – историк, профессор Пермского государственного университета; Наталья Нарская – социолог.

УДК 339.375:008
ББК 65.422.526-03

ISBN 978-5-4448-2130-5

© Нарский И. С., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ПАМЯТИ МАННИ: ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (И. Нарский)	6
Часть I. Давайте знакомиться: о (не)написанной книге и ее авторах	18
ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК НА БЛОШИНОМ РЫНКЕ, ИЛИ ПРИВАТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОШЛОГО (И. Нарский, Н. Нарская)	18
Блошинный рынок среди других хранилищ вещей[12]	18
Какую книгу о блошином рынке мы не написали	21
Что мы задумывали: предыстория и границы исследования	22
Текст – научный или художественный?[32]	25
Достижения и дефициты	28
Постановка вопросов, структура работы, разделение труда	34
Зыбкая почва источников	35
ГЛАВА 2. РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ К СТАРЫМ ВЕЩАМ	38
А. Горьковское детство (И. Нарский)	38
У Хазановых: нежное прикосновение к старине[89]	39
Встреча с антикваром	44
Нарские: травмы прошлого	47
Б. Детство в старинном доме (Н. Нарская)	54
Старый дом	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Нарский, Наталья Нарская Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок. Записки дилетантов

*Организаторам и любителям блошинных рынков, а также всем,
кого не оставляют равнодушными старые вещи, их истории и тайны*

ПАМЯТИ МАННИ: ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (И. Нарский)

*У него... раньше были большие планы на будущее, но он никогда
не смог продвинуться дальше... блошиного рынка, этого места свалки
не только старья и ветоши, но и целых человеческих жизней.*

Рихард Сварц¹

Погожим воскресным утром 29 апреля 2018 года я еду на работу. Университет Людвиг и Максимилиана – это недалеко. Через четверть часа, проехав на велосипеде сонными улицами и миновав гулкие коридоры, я вхожу в свой кабинет. Хорошо, что улицы пустыньны и в университете ни души. Я решился на шаг, который требует душевного равновесия, сосредоточенности и уединения. Не хотелось бы, чтобы кто-то отвлек меня разговором или хотя бы приветствием.

Я сажусь за рабочий стол, нахожу в записной книжке айфона внесенный туда накануне телефонный номер, включаю диктофон, кладу его рядом со стационарным телефонным аппаратом, переключаю телефон на громкую связь и медленно набираю номер, по которому никогда не звонил. После нескольких долгих гудков звучит очень знакомый, несколько отрывистый, но хорошо поставленный бас-баритон:

– Добрый день! К сожалению, в настоящий момент я недоступен. После звукового сигнала оставьте свой номер телефона, я перезвоню. Большое спасибо за ваш звонок. До свидания!

Я кладу трубку, не дожидаясь звукового сигнала, прослушиваю сделанную запись, жду, когда перестанет колотиться сердце, запираю кабинет и спускаюсь на улицу. Отъезжая от университета, я обращаюсь к самому себе:

– Теперь пути назад нет. Теперь я должен это сделать.

* * *

Я – Игорь Нарский, инициатор переосмысленного в тот весенний день проекта, захватившего со временем и мою жену Наташу. Я – один из соавторов этой книги. В ней каждый из нас будет говорить от своего имени, от первого лица. Во множественном числе будут излагаться наблюдения, настроения, мысли и действия, основанные на нашем совместном опыте. Кроме того, местоимение «мы» будет фигурировать там, где один из авторов приглашает читателя к совместным усилиям, подразумевая «я и вы, читатель», «мы с вами».

В тот апрельский день я окончательно решился на очередной исследовательский проект, о котором начал размышлять несколько лет назад. Изначально я задумал небольшой текст о блошинных рынках, вернее, об их обитателях и циркулирующих там предметах. Необычными в новом проекте были два момента. Во-первых, он задумывался не столько как научный и исто-

¹ Swartz R. Wiener Flohmarktleben. Wien, 2015. S. 10.

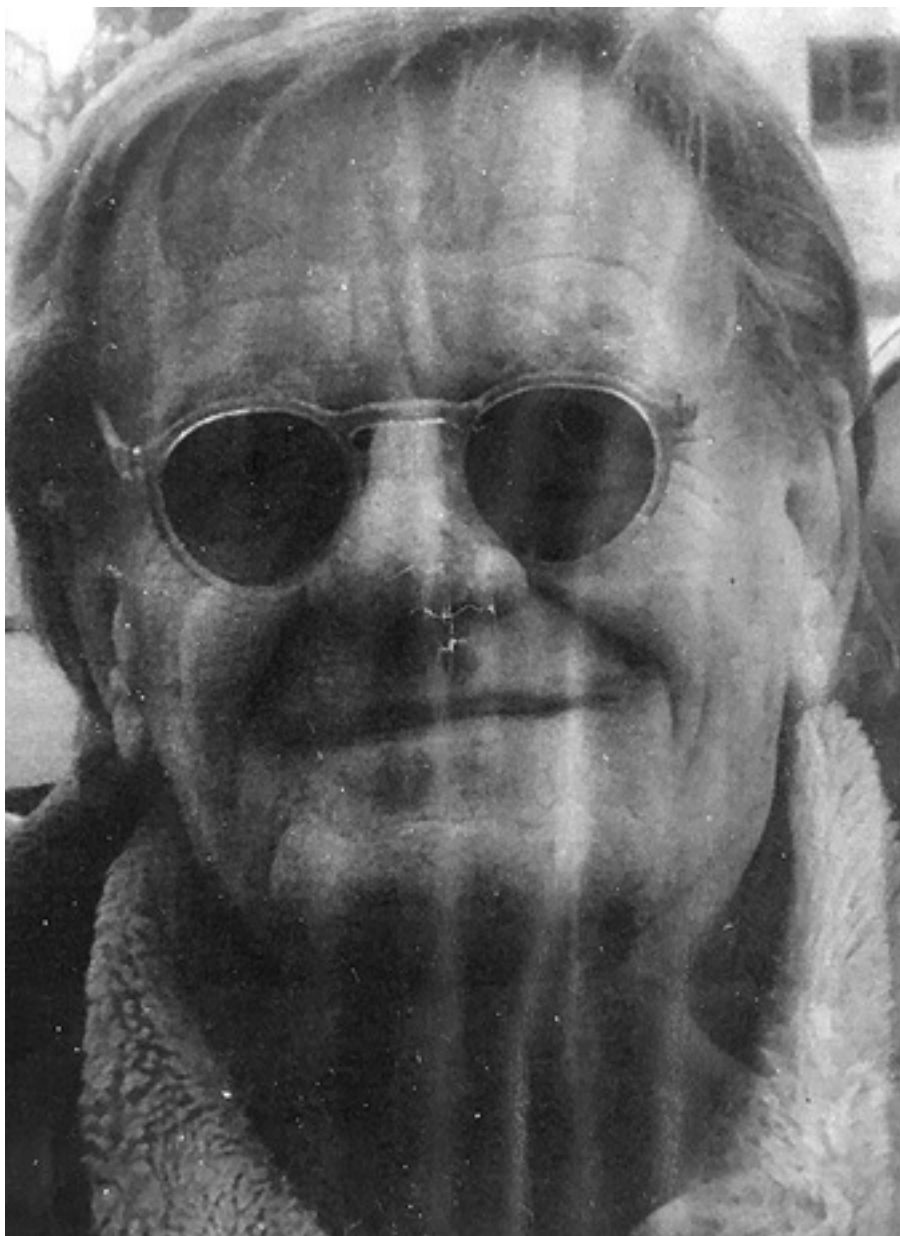
рический, сколько как литературный по стилистике и этнологический по методологии². Во-вторых, он для меня был и остается экзистенциально важным: я не мог от него отказаться, я рассматривал и рассматриваю его как миссию, которую я добровольно принял и которую за меня никто не выполнит. Отсюда такой драматичный, почти детективный зачин. Однако обо всем по порядку.

С некоторых пор я стал заядлым посетителем блошинных рынков тех городов и стран, в которые меня как историка – преподавателя и исследователя – забрасывала судьба. Несколько лет назад выяснилось, что эту страсть со мной самозабвенно разделяет моя жена – соавтор этой книги.

Старые вещи, попавшие на блошинный рынок, как правило, неизвестно откуда, чтобы исчезнуть в тот же день в неизвестном направлении вместе с неудачливым продавцом или удачливым покупателем, являются носителями историй – историй о том времени, когда они были произведены, и о тех людях, которые их произвели, ими владели и пользовались. Но истории эти, если речь не идет об уникальном предмете музейного уровня, снабженном экспертным заключением, как правило, остаются неизвестными за пределом приватного круга семьи и друзей или доверительного сообщества собирателей, а сами вещи сохраняют анонимность. Тем не менее опытные торговцы с удовольствием рассказывают о них истории собственного производства, порой весьма убедительные. Оно и понятно: вещь с историей продается лучше и дороже, поскольку история тоже чего-нибудь да стоит.

Именно опыт блошиного рынка подал мне лежащую на поверхности первоначальную идею: придумать и рассказать истории невыдуманных, реальных вещей. Предметы стали бы поводом для рассказов, в которых исторический контекст соответствовал бы уровню современных научных знаний, а конкретные истории конкретных вещей – уровню опыта, эрудиции и развитости воображения автора. Пока количество предметов с блошиного рынка, достойных описания, было обозримым, воплотить эту идею в текст казалось относительно легко.

² Этнологический, или антропологический, подход в данном случае подразумевал концентрацию исследовательского внимания на поведении и восприятии изучаемых персонажей, а также использование метода включенного наблюдения и собственного опыта в качестве главных инструментов исследования.

Ил. 1. Маннфред Герман Вальтер (1942–2018). Единственный сохранившийся снимок с ним

* * *

Несколько лет назад я на целый год оказался в Мюнхене, чтобы работать там над книгой о советской танцевальной самодеятельности³. И довольно скоро освоился с местным ландшафтом многочисленных блошинных рынков – и в городе, и в пригородах. Один из них я посещал чаще других и поэтому завел несколько шапочных знакомств с его посетителями.

С одним из местных торговцев я общался теснее. Высокий, крепко сложенный мужчина лет семидесяти, с проницательными светлыми глазами, большим рыхлым носом, несколько отрывистым, иногда словно бы лающим голосом и шапкой русых волос, сразу же привлекал

³ Нарский И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М., 2018.

внимание и располагал к себе (см. *ил. 1*). Он предлагал интересные предметы старины и украшения, о которых готов был подробно и вдохновенно рассказывать, честно указывал на изъяны своих товаров, удивлял умеренными ценами и готовностью идти на щедрые уступки. Все звали его Манни.

Около его прилавка вечно толпились люди. Помимо интересующихся разложенным на продажу, здесь были и те, кто показывал ему только что приобретенное у других торговцев с просьбой об экспертизе: провести датировку, установить страну происхождения того или иного предмета, а также проверить пробы золота и подлинность драгоценных камней ювелирных украшений. Я ни разу не видел, чтобы он кому-нибудь отказал. Скоро и я оказался среди его покупателей и заказчиков экспертизы.

Была и третья группа: те, кто заходил к Манни по-дружески поболтать за чашкой кофе, послушать его бесконечные истории и насладиться его неисчерпаемым чувством юмора. В этот круг я не входил. Моя попытка установить личные отношения с ним оказалась неудачной по моей вине: я не знал правил коммуникации на блошином рынке. Люди общаются здесь на «ты», а если хотят познакомиться, называют только свое имя.

Вместо того чтобы прибегнуть к этой общепринятой практике знакомства, я протянул ему свою визитку, создав тем самым непреодолимую дистанцию между нами. К профессорам в Германии все еще относятся как к небожителям. С этого момента в течение лет трех он обращался ко мне не иначе как «господин профессор». В группу друзей-собеседников Манни я вступил лишь одной ногой, и мне уже никогда не стать его душевным собеседником: 29 апреля 2018 года, когда я впервые позвонил ему, мне было заведомо известно, что он не сможет ответить на мой звонок и не перезвонит мне. В тот момент Манни уже почти два месяца не было в живых.

* * *

Мы познакомились с Манни в субботу, 8 ноября 2014 года. Эту дату мне было нетрудно восстановить, поскольку накануне мы с Наташей вернулись из Инсбрука, где пару дней гостили у друзей. В день отъезда мы зашли к знакомому антиквару, и нам приглянулись старинные женские карманные золотые часы, цена на которые показалась нам завышенной. Мы решили обуздать азарт и набраться терпения до следующего дня, который обещал начаться с одного из мюнхенских блошиных рынков.

В тот солнечный ноябрьский день Наташа присмотрела английский сервировочный прибор для подачи рыбных закусок. Цена была приемлемой. Я уже вытащил стоевровую купюру для оплаты, но почему-то снова сунул ее без портмоне в один из многочисленных карманов куртки. И не сразу смог опять найти ее. Продавщица долго наблюдала за моими судорожными телодвижениями и растущим волнением, а затем предложила занести деньги в другой раз. Именно в этот момент я нашел купюру и протянул ей. У нее не оказалось сдачи. Это тоже одно из правил рынка: на него нужно приходить с намеренной мелочью. Хочешь покупать дешево – готовься заранее.

И тут я впервые услышал это имя.

– Манни, можешь разменять? – Женщина подвела нас к мужчине, который с готовностью разменял деньги, а затем улыбнулась: – Посмотрите, может, сдачу оставите у него?

Так и получилось. Мы сразу увидели на маленькой демонстрационной витрине женские золотые часы эпохи модерн, швейцарской, скорее всего женевской работы. Часы были исправны, тем не менее продавались дешевле золота, из которого был изготовлен их корпус (сто евро, или в четыре с лишним раза дешевле, чем у инсбрукского антиквара). Пока я обсуждал с продавцом достоинства и (указанные им) изъяны предмета торга, Наташа выудила из кучи неинтересной бижутерии явно серебряное позолоченное ожерелье рубежа XIX – XX веков

с многоцветными эмалями в виде двух соединенных в восьмерку подков – вероятно, крестьянское свадебное украшение. За него он хотел смехотворную цену – 5 евро, поскольку в двух местах незначительные фрагменты эмали были утрачены.

– И сколько мы вам должны, если купим два предмета? – деловито осведомился я, готовый к торгу и зная, что при покупке нескольких вещей цена снижается. Но Манни ответил мне как не умеющему считать малому дитяти.

– Тогда это будет стоить 105 евро, – терпеливо, без тени усмешки объяснил он мне. Действительно, снижать цену было уже некуда.

Пока мы торговались и расплачивались, какая-то женщина тоже рассматривала товары на прилавке Манни и стала невольной свидетельницей нашей покупки. Когда мы отошли в сторону упаковать «трофеи», она что-то сказала ему. Манни подошел к нам:

– Эта женщина готова заплатить вам за украшение 25 евро.

Не скрывая торжества по поводу приобретения, я отказался, сославшись на то, что это находка жены. Манни отнесся к нашему решению с полным пониманием и одобрением.

Так мы стали частыми, а затем постоянными клиентами Манни. Я всегда соглашался с назначенной им ценой (Наташа, к сожалению, большую часть моей мюнхенской жизни вынуждена была провести вдали от меня), а он назначал мне цены на самом низком уровне, на «болевым пороге» – на жаргоне немецкого блошиного рынка. Какие-то мелочи он Наташе дарил. За три с половиной года мы приобрели у него полторы дюжины предметов на сумму, превосходящую все, что мы выложили в те годы другим торговцам на этом и других рынках и в антикварных магазинах различных городов и стран. И последнее из этих приобретений оказалось символичным, превратившись под грузом печальных событий в своего рода реликвию и место памяти.

* * *

Коммуникационная дистанция между Манни и мной стала сокращаться осенью 2017 года, когда я вновь оказался в Мюнхене, на этот раз для замещения должности университетского профессора. Помню, что, посетив блошинный рынок, я позвонил Наташе и радостно сообщил, что там ничего не изменилось – все на своих местах, и начал перечислять известных Наташе торговцев и покупателей, имен которых большей частью мы не знали и обозначали с помощью прозвищ, изобретенных нами для внутреннего пользования. Первым в этом перечне я назвал Манни.

Однажды, в октябре, Манни мимоходом упомянул, что на днях ему исполнится 75 лет и что эта дата его беспокоит: слишком солидная. Нет, в принципе он на здоровье жаловаться не может, разве что зубы подвели, но это у него наследственное, в мать. Вот тогда-то я и решил сделать ему подарок, который сможет стать поводом для разговора о новом проекте – или о серьезно переформатированном старом: о людях и вещах блошиного рынка.

Вскоре после знакомства с Манни в моей голове сошлись две мысли. Во-первых, о нереалистичности старой задумки о выдуманных историях про невыдуманные вещи. Пока количество приобретений на блошином рынке не перевалило за десяток, каждый из приобретенных предметов казался достойным отдельной детальной истории. Но когда число купленных или просто увиденных на блошином рынке и произведших впечатление вещей стало стремительно расти, возник почти неразрешимый вопрос об отборе предметов для рассказов, а сама идея выдуманных историй казалась теперь слишком узкой и плоской. Нужно было подумать о более сложной концептуализации.

Вторая идея состояла в том, чтобы написать книгу о блошином рынке как о месте встречи людей и вещей, месте специфического обращения с прошлым, альтернативной коммуникации и о причудливом отражении в блошином рынке состояния общества. В этом проекте можно

было бы попытаться обратиться за помощью к Манни, который мог бы выступить лоцманом по рынку старых, странных и старинных предметов с его подводными камнями и течениями. Практика такого общения у нас была – ведь я регулярно обращался к нему с вопросами о товарах на его прилавке, а также за консультацией по поводу купленного на блошином рынке или в антикварном магазине.

Нужно было только объяснить ему, чего я хочу. Но я и сам еще толком не представлял себе, что это может быть. Самым простым в этой ситуации было подарить ему мою книгу, которая обнажала бы, по крайней мере, стилистику и методику будущего проекта. Такая книга, об исследовании семейной истории⁴, в переводе на немецкий язык у меня была⁵. Она удачно отражала и мой метод работы, и стиль письма: будущая тоже должна была в значительной степени строиться на интервью и быть экспериментом на стыке науки и беллетристики. С двухнедельным опозданием, в ноябре, я подарил Манни книгу с дарственной надписью, в которой благодарил за многое, чему я у него за эти годы научился, и выражал надежду на продолжение знакомства и учебы. И рассказал о проекте.

Манни откликнулся с энтузиазмом, обещал всяческую помощь, вызвался свести с интересными собеседниками и рассказать о многих тайнах и хитростях блошиного рынка. В течение нескольких недель он показывал посетителям подаренную книгу, рассказывал, что скоро мы будем писать новую, в шутку вербовал коллег в проект. Он начал читать книгу, но дальше первых страниц не продвинулся.

– Руки не доходят, – сетовал он.

Месяцем позже, после пары удачных покупок у Манни, я наконец настоял на том, чтобы он больше не называл меня «господин профессор», а обращался просто по имени. С этого времени мы стали общаться без повода, за чашкой кофе, принесенной им или мной из местного кафе. Мне это общение доставляло удовольствие. Мне кажется, симпатия была взаимной.

* * *

2 марта 2018 года я совершил у Манни одну из самых дорогих покупок. За месяц до этого на его демонстрационной витрине появилось новое, приобретенное на аукционе украшение: старинное, произведенное около 1890 года массивное золотое кольцо венской работы, украшенное изящной резьбой и крупным южноафриканским алмазом размером три четверти карата. Вначале, услышав от Манни цену, предупредительно сообщенную в ответ на мое спонтанное внимание к этому предмету, я даже не решился взять его в руки и примерить.

В течение месяца я наблюдал интерес посетителей к этому кольцу: многие останавливали на нем взгляд, рассматривали, расспрашивали, брали в руки, прикидывали вес, взвешивая на ладони, примеряли. И возвращали: либо не устраивала цена, либо размер, либо и то и другое. Манни продолжал с энтузиазмом рассказывать о, как он выражался, «своем сокровище», но цену на пару сотен евро постепенно снизил. Он удивлялся и сетовал, что кольцо и за эти деньги не продается.

В последней декаде февраля в Москве выходила моя книга о советской танцевальной самодеятельности⁶. А на подходе были сборник о советской культуре на немецком языке⁷ и новая (под старым названием) монография на итальянском о повседневности на Урале в годы

⁴ Нарский И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.

⁵ Nariskij I. Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit (Wissenschaft als Roman). Köln u. a., 2013.

⁶ Нарский И. В. Как партия народ танцевать учила...

⁷ Hochkultur für das Volk? Literatur, Kunst und Musik in der Sowjetunion aus kulturgeschichtlicher Perspektive / Hg. von I. Nariskij. Berlin; Boston, 2018.

Гражданской войны⁸. В те дни в одном из телефонных разговоров с Наташей я осторожно сформулировал пожелание приобрести что-нибудь на память об этом необычном публикационном урожае. И рассказал о кольце. Наташа мои размышления энергично поддержала. В последнюю субботу февраля я собрался с духом и, приехав на блошинный рынок, примерил кольцо. Оно село как влитое. Но я отложил покупку еще на неделю: перспектива расстаться с большой суммой вселяла нерешительность.

* * *

В конце следующей недели Манни, как всегда, прибыл на рынок в 7:30. По нему можно было сверять часы. Я не хотел мешать ему раскладывать товар и ограничился вопросом, не продано ли еще то кольцо, к покупке которого я, кажется, созрел. Манни радостно рассмеялся и дружески похлопал меня по плечу. Мы договорились, что я зайду к нему через полчаса.

В урочный час я стоял перед его прилавком. Как издавна повелось, по моей просьбе покупку предварял его подробный рассказ о предмете. Да, венская работа, высокопробное золото весом более 10 граммов. Южноафриканский алмаз очень качественно выполненной шлифовки «роза» (с двадцатью четырьмя гранями), неплохого уровня чистоты, из числа добытых вскоре после открытия африканских копей в 1880-х годах. Проба золота и подлинность камня были тут же продемонстрированы с помощью химических реактивов и специального прибора для проверки драгоценных камней. Неизвестно, по чьему заказу было изготовлено кольцо, но заказчик, по мнению Манни, должен был быть весьма состоятельным человеком, чтобы позволить себе такую роскошь.

В свою очередь, мой визави поинтересовался поводом для покупки.

– День рождения?

– Нет, – ответил я и объяснил мотив приобретения.

– Три книги?!!

Манни поздравил меня и радостно улыбнулся:

– Значит, скоро можно будет начать новую книгу, про блошинный рынок?

– Да, – ответил я, – начнем в апреле.

Настал решающий момент: сколько стоит эта вещь? Манни задумался и после едва заметных колебаний назвал цену весьма умеренную – значительно ниже названной неделей раньше коллеге-торговцу и постоянной покупательнице и, по его словам, вдвое ниже стоимости материалов, из которых было изготовлено ювелирное изделие.

– Нет, – возразил я, – ты получишь столько, сколько ожидал неделей раньше от потенциальных покупателей.

– Ну, Игорь, тогда я перед сном буду за тебя молиться, – как всегда, тут же отреагировал шуткой Манни.

Я протянул ему деньги. Помедлив мгновение, он вернул мне сдачу – половину разницы между нашими предложениями.

– Нет, Игорь, я так не могу. Ты подарил мне такую книгу, и вообще... Правда, я ее еще не прочитал. Но я не из тех, кто сдается. И я пенсионер – у меня полно свободного времени.

Так принято на блошином рынке: продавец и покупатель уступают друг другу, договариваясь примерно посередине между первоначально называвшимися суммами. Особенность нашего торга состояла в том, что покупатель предложил цену выше, чем назвал продавец.

По совершении сделки Манни предложил мне сфотографировать его квитанцию о приобретении кольца, выписанную на аукционе: вещь дорогая, лучше иметь сопроводительную

⁸ *Narskij I. Vivere nella catastrofe: La vita quotidiana nella regione degli Urali 1917–1922. Roma, 2018.*

бумагу об источнике происхождения – таков был его резон. Мы поблагодарили друг друга и расстались, довольные сделкой.

Так я оказался владельцем предмета, приобретенного на память о собственных успехах. На следующий день мы вновь увиделись на блошином рынке, и Манни опять поблагодарил меня за покупку накануне и выразил радость, что кольцо досталось именно мне. Я ответил ему тем же. Мы простились до следующей встречи через неделю. Кто бы мог подумать, что содержание послания, заключенного в приобретенном памятном подарке самому себе, через несколько дней радикально изменится?

* * *

Неделю спустя, 9 марта, Манни не пришел на блошинный рынок ни в 7:30, ни позже. У меня никогда не было телефона Манни, только электронный адрес, которым я воспользовался лишь пару раз. Часам к десяти я заподозрил неладное и подошел к коллегам Манни с просьбой позвонить ему и выяснить, не случилось ли чего. Женщина, которая когда-то познакомила меня с Манни (покупка набора для сервировки рыбных закусок), – Ники, как я начну называть ее спустя неделю, чуть помедлив, произнесла:

– Он больше не придет.

– Почему? – Глупее вопрос трудно было придумать. Но в мою внезапно онемевшую голову ничего умнее не приходило. Она повторила свою фразу, я – свой вопрос. Она пытливо посмотрела на меня, ничего не ответила и пошла прочь.

Смерть Манни неожиданно глубоко поразила меня. Это был совершенно новый опыт столкновения со смертью, внезапной и обескураживающей, к которой невозможно подготовиться, от которой нельзя защититься. Я вдруг почувствовал, что потерял друга.

В тот день я несколько раз пытался рассказать окружающим о своих переживаниях. И не мог – голос перехватывал предательский спазм. Два собеседника поддержали меня в тот день: Юрий Слёзкин и моя жена. Замечательный историк, антрополог и филолог, переведивший тогда в Мюнхене на русский язык свое исследование о Доме правительства⁹, услышав в тот вечер о происшедшем, отреагировал моментально: эту историю, по его мнению, обязательно нужно написать.

Тем не менее я решил, что о проекте можно забыть. В тот день я даже поспорил с Наташей: она была уверена, что книгу будет возможно продолжить – ведь на блошином рынке есть еще немало людей, которые могут поддержать мое начинание. Я в это не верил. И как можно вообще планировать что-то, если неизвестно, не схватит ли тебя костлявая ближайшей ночью? Мое искреннее отчаяние отдавало излишней театральностью, но эта была форма защиты от нахлынувшего горя.

Наташа, с ее неистребимым жизнелюбием, несокрушимым здравым смыслом, огромной любовью к близким и пугающе безошибочной интуицией, оказалась права. Как выяснилось в считанные дни, нашлись люди, согласившиеся сотрудничать со мной из уважения к памяти о Манни. При их деятельном участии я начал собирать материал для книги, и проект обрел новые смыслы и грани. А старинное кольцо из «места памяти» о собственных достижениях нежданно-негаданно превратилось в вещь, сохранившую память о Манни – человеке, который мог стать моим другом и соавтором.

⁹ Слёзкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019.

* * *

Весь этот проект тоже отчасти может рассматриваться как памятник Манни: обстоятельства его смерти и посмертные приключения его бранных останков привнесли в мое исследование о блошином рынке радикально новый смысл. Дело в том, что мертвым Манни никто из обширного круга его друзей и знакомых не видел, и никто из нас не знает, где находится его могила и вообще – погребен ли он.

Вокруг его смерти много неясного и противоречивого. Известно, что в последние дни Манни жаловался на боли в груди и после настоятельных уговоров друзей записался на прием к врачу на среду, 7 марта. Многие видели его в воскресенье, 4 марта, на крупнейшем рынке антиквариата под Мюнхеном, проходящем в первое воскресенье каждого месяца. На следующий день с ним разговаривали по телефону. Во вторник он не отвечал на звонки и не появился на аукционе, который неукоснительно посещал по вторникам и четвергам. Никто не забил тревогу. В среду он не был на утреннем приеме у врача. И у него не работал автоответчик. В тот же день полиция нашла его мертвым в собственной квартире. По слухам, официальное заключение зафиксировало смерть во сне. В четверг автоответчик опять был включен. Это пробудило у его друзей, которые пока не знали печальную новость и безуспешно продолжали ему звонить, слабую надежду, что он жив, но не может воспользоваться телефоном – например, находясь в реанимации.

Шли дни, складываясь в недели и месяцы, но традиционного объявления в местных газетах о кончине и дне похорон Манни не появлялось. Как могло случиться, что человек с деньгами и связями, с жильем и пенсией, в центре Европы, в XXI веке бесследно пропал, без возможности для его окружения что-нибудь узнать о причине смерти, проводить в последний путь, навестить могилу? Как это вообще возможно, чтобы европеец, который, согласно традиции, должен быть связан с христианской общиной тремя событиями – рождением, вступлением в брак и смертью, исчез с поверхности земли без ведома и участия общины?

Манни был одинок. У него не было ни жены, ни детей. Единственная родственница – сестра-близнец – жила в Дании и, поговаривали, не испытывала добрых чувств ни к Мюнхену, ни к брату. Она распорядилась по поводу места и формы его погребения. Найденный друзьями Манни служащий мэрии, выполнивший ее распоряжение, не имел права раскрыть эту тайну и адресовал просителей к душеприказчице. А она, в свою очередь, не хотела разговаривать ни с кем из друзей Манни под тем предлогом, что у него якобы и друзей-то никогда не было. Ходили слухи, что покойника увезли на север Германии, кремировали и захоронили анонимно. Этого Манни опасался и ни в коем случае себе не желал, о чем собирался оставить дома письменное распоряжение. По другим слухам, его труп оказался в одном из криминологических институтов Германии на судебно-медицинской экспертизе.

Квартира Манни оставалась опечатанной недели спустя после его кончины, автоответчик продолжал работать, в чем я убедился в конце апреля. Значит, на тот момент дело не было закрыто. Друзья гадают: почему полиция была оповещена о его исчезновении не 6, а только 7 февраля? И когда он все-таки умер? Все ли цело в его квартире, в которой, по слухам, он хранил деньги, драгоценности и предметы старины?

Оставим эти вопросы полиции. Вряд ли ответы на них когда-нибудь станут доступны друзьям Манни. Но ясно одно: эту книгу можно рассматривать как единственный памятник, «воздвигнутый» в честь Манни.

* * *

Блошинный рынок – замечательное пространство, с помощью которого можно было бы увековечить память о Манни. Блошинный рынок – это неповторимая, как в детском калейдоскопе, мозаика предметов, позволяющих заглянуть в частную и даже интимную жизнь людей, большая часть которых давно умерли. Это завораживает одних и пугает других. Именно тайны умерших, сокрытые в выставленных на блошином рынке предметах, притягивают и отпугивают. Он мало кого оставляет равнодушным, стоит лишь чуть присмотреться к нему. В этой среде Манни чувствовал себя как рыба в воде. А теперь он и сам стал прошлым с собственными тайнами, которые унес с собой.

Ныне мы больше, чем когда-либо, убеждены, что Манни был неотделим от блошиного рынка, стал плотью от плоти его, а тот, в свою очередь, был формой жизни Манни. После его смерти проект постепенно приобрел новые акценты и вполне самостоятельную логику. Сегодня он посвящен не только блошиным рынкам (и Манни как его представителю), но и повседневному, приватному, неофициальному и непрофессиональному обращению с прошлым в целом. В ходе этой работы мы приобрели множество новых, совершенно неожиданных познаний. По каким-то вопросам – наверняка больше, чем знал или захотел бы рассказать Манни. Много из того, что он мог бы рассказать, мы, напротив, теперь уже никогда не узнаем. Потому что каждый рассказчик неповторим, поскольку является носителем уникального опыта, в какие бы готовые повествовательные формы он его ни облакал.

Как бы то ни было, без нашего знакомства с Манни этот проект был бы другим. В тексте наш добрый знакомый с блошиного рынка нет-нет да будет появляться – то в роли продавца, то в качестве консультанта или просто милого собеседника. Поэтому наши первые слова благодарности адресуются Манни и доброй памяти о нем. Именно благодаря сердечному отношению к нему многие «постояльцы» блошиного рынка – арендатор рынка, торговцы, покупатели, коллеги, клиенты и друзья Манни – согласились рассказать о своем приходе на развалы старины и об опыте обитания там. К сожалению, по их просьбе мы не можем назвать их. С этими замечательными людьми, скрытыми под вымышленными именами, читатель будет время от времени встречаться на страницах книги. Всем им мы до глубины души признательны за откровенность и готовность прийти на помощь.

* * *

Исследователь собирает необходимые знания и набирается нового опыта не только в процессе работы в обсерватории, лаборатории, прозекторской, «в поле», в архиве или библиотеке. Изложение хода и результатов исследования – важная часть исследовательского процесса, и на этой стадии работы мы тоже встретили заинтересованную поддержку, которую очень ценим. Мы благодарны организаторам и участникам официальных и неофициальных обсуждений отдельных сюжетов этого исследования в Перми, Челябинске, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Казани (в хронологическом порядке): Галине Янковской, Алексею Килину, Константину Шнейдеру, Александре Кукулиной, Наталье Суржиковой, Борису Колоницкому, Михаилу Лурье, Амирану Урушадзе, Оксане Нагорной, Герману Мягкову, Александре Колесник, Марии Ромашовой, Людмиле Кузнецовой. Наша глубочайшая признательность адресуется первым читателям из числа родных, которые уточнили наши сведения о собственных семейных историях: Владимиру и Тамаре Нарским, Василию и Тамаре Чумаковым, Эльге Хазановой, Ирине Мальковой, Татьяне Аникиной, Марине Черновой. Неоценимую помощь в создании последней версии текста монографии оказали ободряющие и критические замечания ее читателей – друзей и коллег: Павла Рабина, Бориса Ровного, Виктора Файбисовича, Галины Янковской,

Константина Шнейдера, Елены Осокиной, Дитриха Байрау, Карла Шлёгеля. Важные предложения, подвигнувшие нас пересмотреть структуру книги, высказали прочитавшие рукопись Юрий Слёзкин, Константин Богданов, Беньямин Шенк. Ряд высокочтимых нами читателей манускрипта пожертвовали своим временем для добровольно принятого на себя кропотливого труда по научной и литературной редакции и корректуре текста. Мы благодарим за это Илью Кукулина, Юрия Немировского, Марию Майофис, Павла Уварова.

Мы признательны Дмитрию Графову и Александру Исакову за подготовку иллюстраций к книге. За разрешение использовать несколько фотографий мы благодарим Эльгу Хазанову, руководство Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск) и Каслинского историко-художественного музея.

Мы очень рады, что эта книга обрела нынешний вид благодаря доброжелательному интересу Ирины Прохоровой, принявшей рукопись к публикации в «Новом литературном обозрении», а также профессионализму редактора серии «Культура повседневности» Льва Оборина и других сотрудников издательства.

Наша самая искренняя симпатия и признательность адресуется тем, кто об этом и не догадывается и вряд ли когда-нибудь прочтет эти строки. Это бесчисленные посетители мюнхенских, базельских, берлинских, московских и других блошинных рынков, барахолок, толкучек, бирж и развалов, где мы побывали одни или в компании детей и друзей. Это все те, кто создал «сцену» и «массовку», непередаваемую атмосферу и фон этих мест (и этой книги). Наблюдения за ними, оброненные ими фразы, услышанные обрывки их разговоров вдохновляли на работу над этим проектом.

И наконец, мы особенно признательны постоянным, профессиональным торговцам и разовым продавцам-любителям. Они не только стали героями этой книги. Неделя за неделей, приезжая на рынок, раскладывая свои товары, каждый раз уникальные порознь и неповторимые в своем сочетании, рассказывая о них и о себе, как это делал Манни, продавцы блошиного рынка пробуждали наш интерес, давали пищу уму и будоражили эмоции. Каждая встреча с ними становилась и, надеемся, будет становиться источником для ожиданий, опасений, надежд, открытий, сожалений, фантазий, азарта, раздумий и радостей любителям блошинных рынков вроде авторов этой книги.

*Челябинская область, Еловое, 27 июля 2020 – Ольденбург, 10 декабря 2020 –
Челябинск, 19 февраля 2022*

Р. S. Мы писали книгу в 2020–2021 годах. Затем мы воспользовались критическими замечаниями ее первых читателей. В течение нескольких месяцев доводили до ума структуру, оттачивали главные идеи, усиливали аргументацию, «уплотняли» текст, устраняя длинноты, вырезали фрагменты, не имеющие прямого отношения к интересующей нас постановке вопросов. Работа над содержанием книги была завершена 19 февраля 2022 года, за несколько дней до начала «специальной военной операции» в Украине.

Став современниками, очевидцами и участниками эпохальных перемен, разом превративших вчерашний день в необратимое прошлое, мы на собственном опыте убедились, насколько радикально актуальные перемены могут изменить взгляд на прошедшее. Мгновенно устаревают, обесмысливаются, рушится то, что казалось незыблемым, убедительным и важным вчера. Новые проблемы, несущественные во вчерашних буднях, выходят на первый план.

В первые дни «спецоперации» мы думали: кому могут быть интересны сегодня «незаметные истории» из мирного вчерашнего дня на фоне небывалых планетарных сдвигов? А потом мы перестали сокрушаться о том, что наш текст безнадежно устарел. Может быть, читателю будет интересно заглянуть в совсем недавнее, но теперь уже скрывшееся за горизонтом прошлое, посмотреть с близкого расстояния недавнего непосредственного наблюдения на слож-

ности в устройстве жизни на «Западе» и «Востоке», а также на возможности и проблемы «западно-восточных» взаимоотношений и взаимного восприятия «снизу», из перспективы «обычных» людей.

Челябинск, 20 марта 2022

Часть I. Давайте знакомиться: о (не)написанной книге и ее авторах

Не следует ли стремиться писать тексты, учитывая собственную включенность в процесс, то есть в ту историю, которую сам изучаешь? Твой взгляд – взгляд участника. Это прожектор, высвечивающий отдельные места. Направление света определяется познавательным интересом пишущего (пишущей), но и жизненным опытом, принадлежностью к поколению, позицией в социально-историческом пространстве.

Наталья Козлова¹⁰

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК НА БЛОШИНОМ РЫНКЕ, ИЛИ ПРИВАТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОШЛОГО (И. Нарский, Н. Нарская)

Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения.

Марк Блок¹¹

Блошинный рынок среди других хранилищ вещей¹²

Немецкий блошинный рынок достоин специального изучения. Это стало ясно западногерманским, австрийским и швейцарским экономистам, социологам и антропологам несколько десятилетий назад, когда современный блошинный рынок только начинал формироваться¹³. На этом новом рынке тон стали задавать материальное благополучие, экологическое сознание и уважение к старым вещам, а не бедность, стремление выжить и вынужденная ориентация на дешевизну.

Современный блошинный рынок оказался сложно связанным со многими другими хранилищами вещей. Прежде всего, с домашним хозяйством. Он позволил безболезненно рас-

¹⁰ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 18.

¹¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. М., 1986. С. 39.

¹² Конфигурация этой главы в целом и появление этого эссе в частности – благодарная реакция на критические размышления Юрия Слёзкина.

¹³ См., например: Heller H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche. Wien; Heidelberg, 1984. S. 199–210; Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten – vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg // Urbs et Regio. 1984. № 32. S. 97–120; Hard G. u. a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten – Zur Wirklichkeit und zum Alltagsmythos eines Flohmarktes // Ibid. S. 121–176; Porath Y. u. a. Ein Flohmarkt für Kassel // Ibid. S. 177–208; Porath Y. u. a. Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte – Stuttgart, Frankfurt/M., Münster, Bielefeld und Hannover // Ibid. S. 209–246; Jüngst P., Rabemüller T. Zur Rezeption «öffentlicher» und «privater» Flohmärkte in Bevölkerung von Stadt und Umland: Fallbeispiele Kassel und Marburg // Ibid. S. 247–264; Gebhardt P. Der Markt gebrauchter Güter, theoretische Fundierung und empirische Analyse. Hamburg, 1986; Karl W. Flohmarkt. Träume aus zweiter Hand. Freiburg i. Br., 1988; Winter G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. Göttingen, 1996; Damsar. «Fleamarket» in a German town: A Study in Economic Sociology. Bielefeld, 1998; Item. Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität // Inspecting Germany. Internationale Deutschland-Ethnographie der Gegenwart / Hg. von T. Hauschild, B. Warneken. Münster, 2002. S. 141–171.

статься с домодерной традицией ношения одежды и обуви до износа, он разрешил отказаться от использования домашней утвари, мебели и инструментов до выхода из строя¹⁴. Рынок подержанных вещей покончил с привычкой латать, починять и передавать домашний скраб по наследству. В условиях массового производства готового платья, мебели, посуды и прочей домашней утвари наследование бабушкиного платья, родительского шкафа и кухонных чугунков более далеких предков превратилось в анахронизм. Блошинный рынок создал важный канал для избавления от вещей, годных для употребления, но устаревших, вышедших из моды, громоздких, захламляющих жилые, чердачные и подвальные помещения, мешающих новым приобретениям. То, что раньше передавалось родственникам и раздавалось соседям при переезде или уходе владельцев из жизни, теперь, с середины XX века, уходило на свалку – и на блошинный рынок.

В отличие от США в немецкоязычном пространстве традиция гаражных распродаж (garage sales) и посмертных распродаж (estate sales) не получила распространения. Вещи из домашних хозяйств, по каким-либо причинам прекративших свое существование, готовили и продолжают готовить к продаже в специальных магазинах (Secondhand-Laden, Brockenhaus, Altwarentandler и др.), на аукционах и на блошином рынке профессиональные «ликвидаторы»¹⁵ и благотворительные организации¹⁶. Часто вещи из домашних хозяйств в качестве товаров попадали на вторичный рынок не напрямую, а стараниями старьевщиков – со свалок. Так блошинный рынок взял на себя благородную миссию, предоставив старым вещам шанс на вторую жизнь. Тем самым он облегчил расставание с умершими близкими. Предметы, которые образовывали их среду и поддерживали память о них, не нужно было недрогнувшей рукой выбрасывать на помойку. Их можно было отправить на рынок вещей, бывших в употреблении, с надеждой, что они попадут в добрые руки и еще послужат людям.

Наряду с домашним «хламом» на блошинный рынок могут попасть дорогие предметы антиквариата. Их может привести туда неосведомленность владельцев об их ценности. Они могут быть приобретены профессиональными перекупщиками во время ликвидации выморочных домашних хозяйств и из-за спешки чудом миновать аукционы и антикварные салоны и лавки. Профессиональные покупатели-коллекционеры и непрофессиональные завсегдатаи блошинных рынков надеются на такую удачу.

В последние десятилетия самым серьезным конкурентом блошиного рынка стало виртуальное «хранилище» бывших в употреблении вещей – интернет-аукционы, прежде всего eBay¹⁷¹⁸.

На барахолке встречаются вещи, место которым не только на аукционе, в антикварном магазине, художественной галерее или музее, но и в (семейном) архиве¹⁹. Но на блошином

¹⁴ О живучести этой традиции в СССР, который исследователи предметной среды характеризуют как «общество ремонта» или «общество без мусора», см.: Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 70–77; Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. München, 2017. S. 245–249.

¹⁵ Подробнее об этом см. эссе «Ликвидация домашних хозяйств» (ч. II, гл. 4).

¹⁶ Подробнее об организации ликвидации домашних хозяйств в немецкоязычном пространстве см.: Haushaltsauflösung richtig planen & organisieren. <https://raeumungen.at/haushaltsaufloesung-tipps-checklisten/> (дата обращения: 18.10.2022); Auflösung des Haushaltes. Möbel und private Gegenstände entsorgen. <https://www.trauerundgedenken.de/trauer-und-trost/imtodesfall/aufloesungshaushalt> (дата обращения: 18.10.2022); Entrümpeln kann teuer werden, Merkur.de, 15.03.2020. <https://www.merkur.de/leben/wohnen/haushalt-von-einem-verstorbenen-aufloesen-zr-11862432.html> (дата обращения: 18.10.2022).

¹⁷ О принципах организации eBay см.: Сафонова Е. А. Секреты международного аукциона eBay для русских. Домашний бизнес. М., 2008; Кольтер М. eBay для чайников. М., 2013; Kiefer P. u. a. Das große eBay Handbuch. Düsseldorf, 2004.

¹⁸ Подробнее см. эссе «Альтернатива блошиному рынку: eBay» (ч. II, гл. 5).

¹⁹ О музеях, аукционах и архивах как местах хранения вещей см.: Музеи мира. М., 1991; Медушевская О. М. Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 9–13; Юренина Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003; Бернат А. Архивы, библиотеки и музеи – институты общественной памяти. Что их различает и сближает // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 60–66; Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М., 2016; Майстровская М. Т. Музей как объект культуры: Искусство экспозиционного ансамбля. М., 2016; Роль

рынке все эти личные документы, письма, дневники, фотоальбомы, как правило, не атрибутированы. В отличие от музея или аукциона они не сопровождаются «легендой» или провенансом – историей их происхождения, которая продается вместе с вещью и повышает ее цену. Это предметы, лишенные контекста, подешевевшие, осиротевшие: неизвестно, кто и кому писал письма, кто и зачем вел дневник, кто смотрит с фотографий.

Однако блошинный рынок питается не только домашним «хламом». Большие сетевые магазины могут использовать рынок вторичных товаров для освобождения складских помещений от залежавшейся продукции из прошлого сезона. Так возникают рынки новых товаров, которые по недоразумению и инерции продолжают называться «блошиными» и от которых дистанцируются организаторы «настоящих» блошинных рынков, дабы не утратить репутацию и не отпугнуть завсегдатаев.

* * *

Современный блошинный рынок подобен ярмарке: в отличие от классического рынка или базара²⁰ это рынок праздничный, рынок выходного дня. Поэтому на нем можно встретить торговцев и товары, которые на протяжении рабочей недели выставляются в антикварных магазинах и в пунктах торговли подержанной одеждой и обувью. Их владельцы таким способом обходят запрет на работу в выходные дни, превращают субботу или воскресенье в доходный рабочий день, обзаводятся новыми связями и клиентами.

В свою очередь, товары с блошиного рынка перекочевывают в другие частные домашние хозяйства людей, только что переехавших на новое место, часто – молодых семей и мигрантов с худыми кошельками. Так было и в XIX веке, и в первой половине XX. Но значительная часть вещей с блошинных рынков приобретается покупателями не бедными. Это могут быть владельцы и менеджеры галерей, антикварных магазинов и аукционов в поисках пополнения коллекций случайными ценными находками. Завсегдатаями блошинных рынков являются коллекционеры, готовые выложить круглую сумму за вожаделенный предмет собирания. Среди покупателей встречаются модельеры – экспериментаторы в области винтажной моды. В поисках подходящих исторических костюмов и реквизитов заглядывают туда создатели спектаклей и фильмов. Там бывают организаторы постоянных и сменных музейных экспозиций, ведомые надеждой найти исключительно редкий и вместе с тем типичный для определенной эпохи предмет.

Получается, что блошинный рынок дает старым вещам шанс повысить свой «мусорный» статус до предмета антиквариата и даже до музейного экспоната. Но может случиться и обратное: невостребованный товар может закончить свой век там, где бы он и оказался, если бы не блошинный рынок, – на свалке. Такая судьба поджидает даже старинный предмет, который при небрежной упаковке, неосторожной транспортировке и поспешной распаковке может сломаться, разбиться, потерять цену и потенциального покупателя.

В общем, блошинный рынок занимает важное место среди прочих хранилищ вещей, с которыми тесно связан, – будь то домашнее хозяйство или товарный склад, музей или аукцион, антикварный салон или магазин одежды секонд-хенд. Поэтому легко предположить, что

архивов в информационном обеспечении исторической науки. М., 2017; *Krishna V.* Auction Theory. San Diego, 2002; *Schulze M.* Wie die Dinge sprechen lernten: Eine Geschichte des Museumsobjektes 1968–2000. Bielefeld, 2017; *Pauritsch W.* Der Auktionator. Mein Leben zwischen Trödel, Kunst und Leidenschaft. Gütersloh, 2018.

²⁰ О базарах см.: *Калугин В. К.* Вселенский базар: Книга о рынках, базарах и ярмарках, их истории и многообразии. СПб., 1998; *Weiss W. M.* The Bazaar: Markets and Merchants of the Islamic World. London, 1998; *Grüner F.* Microcosm Bazaar. Markets as Places of Cultural Encounters and Areas of Conflict // Engaging Transculturality: Concepts, Key Terms, Case Studies / Ed. L. Abu-Er-Rub, C. Brosius. London; N. Y., 2019. P. 122–135.

блошинный рынок – относительно давний объект устойчивого научного интереса и интенсивного исследования. Однако это не совсем так – или совсем не так.

Какую книгу о блошином рынке мы не написали

Читателю придется набраться немного терпения, а пока поверить нам на слово: о блошином рынке написано много и одновременно с точки зрения историка – удивительно мало. Другими словами, существует некоторая традиция в описании блошинных рынков, и мы ее учимся, но ей не следуем, потому что она не позволяет нам убедительно ответить на вопросы, которые возникли при близком знакомстве с рынком подержанных вещей.

В соответствии с этой исследовательской традицией, нам нужно было найти точку зрения и научный инструментарий, гарантирующие дистанцию, эмоциональную сдержанность и независимость от объекта исследования. Мы разработали бы сложную анкету, расставляющую силки для потенциальных участников опроса, ловящую их на неискренности и якобы гарантирующую «научность» исследования и «объективность» полученных данных. Мы проанкетировали бы статистически релевантное количество посетителей блошинных рынков – организаторов, продавцов, покупателей, фланеров – и произвели бы количественную обработку полученных данных по ряду критериев. Мы провели бы основанные на вопросах этой анкеты короткие интервью на блошином рынке. Мы проанализировали бы детально классификацию блошинных рынков, этапы их развития, механизмы ценообразования, мотивацию посещения, разделение труда по возрасту, полу, уровню благосостояния и национальной принадлежности. И в результате мы издали бы ученый труд, написанный строго научным, эмоционально нейтральным языком, с графиками и таблицами, приложениями и схемами²¹.

* * *

Нет, такой книги мы не написали. Потому что блошинный рынок этим десятилетиями отработанным исследовательским практикам активно сопротивлялся. Люди отказывались говорить с нами, подозревая в нас то ли переодетых полицейских, то ли налоговых инспекторов, то ли агентов русской мафии. А те, кто соглашался ответить на наши вопросы, категорически отказывались говорить под диктофонную запись и даже не разрешали нам воспользоваться блокнотами и ручками. Те, кто вчера покупал на блошином рынке, сегодня выступали продавцами купленного накануне. Рассказчики не могли вспомнить и воспроизвести то, что рассказывали неделей раньше, заставляя усомниться в надежности предоставленных сведений.

Ценообразование на блошином рынке восставало против экономической целесообразности и оказывалось продуктом причудливого сочетания материальных и нематериальных факторов. Среди них принадлежность предмета к определенной группе товаров, наличие или отсутствие повышающей цену сопроводительной истории, степень сохранности или износа, возраст, единичная или оптовая покупка, начало, разгар или завершение рабочего дня на рынке, погода, настроение продавца, внешний облик покупателя, знакомство с торговцем и умение торговаться. В отношении антиквариата действовали дополнительные факторы: наличие аналога в музейных экспозициях, прецедент удачной продажи подобного товара на интернет-аукционе

²¹ В Западной Германии этой традиции следовали социальные науки 1980–1990-х годов. См., например: *Jüngst P.* Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen...; *Hard G.* u. a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten...; *Porath Y.* u. a. Ein Flohmarkt für Kassel...; *Porath Y.* u. a. Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte...; *Jüngst P., Rabemüller T.* Zur Rezeption «öffentlicher» und «privater» Flohmärkte...; *Winter G.* Trödelmärkte...; *Damsar.* «Fleamarket» in a German town...; *Item.* Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität...

или в телешоу. Словом, мы наткнулись на «порядок порывистого ветра или уличного рынка», в котором не обнаруживалось «ничего, что можно измерить»²².

* * *

Кроме того, мы решили отказаться от одной традиции, характерной для «профессионалов» практически в любой сфере деятельности. Мы не стали конструировать объект исследования по иерархической вертикали. В такой конструкции компетентный, то есть наделенный знанием, чутьем и стигмой исключительности субъект дистанцируется и противопоставляет себя некомпетентному, слабому, аморфному объекту²³. Подобное конструирование объекта предполагает выстраивание отношений подчиненности. Ведь оно осуществляется так, «чтобы обосновать право вмешательства (воздействия) со стороны „институционально поддерживаемого и узаконенного“ профессионала, его власть над теми, кто в дискурсе идентифицирован с объектом»²⁴. Следование такой традиции неизбежно ведет к позиции исторического превосходства и нравоучительной назидательности по отношению к историческим акторам, ставшим объектами изучения и героями повествования.

Мы дистанцировались также от эссенциалистской традиции исторического исследования, которая превалировала в советское время и вновь набирает обороты в преподавании, проектной деятельности и исторической политике последних лет. Согласно ей, историк имеет непосредственное дело с «реальностью», а не с ее следами, остатками и посредниками. Нарратив якобы следует за непреложными «объективными» фактами и закономерностями, а авторское вмешательство исследователя в его «течение» представляет собой антинаучное святотатство и фальсификацию. Именно такая историческая наука отстаивает принципы «научности», «объективности» и «историзма», воспринимает автора как нейтрального «летописца», обязанного изгнать субъективность как помеху честному исследованию. Именно она отрицает ценность исследовательской авторефлексии и, более того, любой методологии по ту сторону простодушного позитивизма. Такая наука выстраивает иерархию источников по принципу надежности и достоверности, расценивает результаты научной деятельности в категориях «истинности – ложности», воздвигает дисциплинарные границы и блюдет «чистоту рядов».

Нет, такую книгу мы писать не хотели.

Что мы задумывали: предыстория и границы исследования

Нам важно познакомить читателя не только с результатом исследования, но и с его течением, с событиями и обстоятельствами, менявшими замысел, ход мыслей, логику и стилистику их воплощения и изложения.

Есть общая закономерность, – писал один из столпов социологии знания Альфред Шютц, – каждый, кто пытается записать свои тщательно обдуманные мысли... обнаружит, что во время записывания возникают новые важные темы, которые упорядочивают и шлифуют мысль. Результатом становится то, что готовый продукт неизбежно выглядит иначе, чем замысел. Общий принцип теории действия в том и состоит, что исполненное действие отличается от задуманного²⁵.

²² Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М., 2020. С. 8.

²³ См.: Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 139–161.

²⁴ Там же. С. 143.

²⁵ Schütz A. Das Problem der Relevanz. Frankfurt/M., 1982. S. 154.

От первоначальной идеи написать вымышленную историю реальных вещей, найденных и приобретенных на блошином рынке, пришлось отказаться в пользу истории «плавания» по блошиному рынку в сопровождении опытного «лоцмана», уверенно ведущего по фарватеру неписаных, но непреложных правил и обходящего все подводные камни.

После неожиданной смерти надежного провожатого нам потребовалось по-новому, кардинально переосмыслить наш проект. Теперь задача виделась нам не в том, чтобы с помощью опытного следопыта расследовать жизнедеятельность блошиного рынка. Мы решили пойти в противоположном направлении: разузнать о жизни и смерти нашего «проводника» через изучение места его обитания.

Однако по ходу работы над книгой ее тематика стремительно расширялась за счет многочисленных проблем и разнообразных сюжетов повседневного обращения «обычных» людей с материальными следами прошлого. Первоначальное авторство превратилось в соавторство. Нам стоило усилий ограничивать рассматриваемую проблематику. Не без сожаления были отсечены многие сюжеты, которые грозили сделать исследование необозримым и бесконечным. В книге практически не затрагивается ряд тем центральных для публичной истории – истории популяризаторского обращения профессионалов к прошлому, равно как и непрофессиональной переработки былого. К таким обойденным в книге темам относится, например, инструментализация вещественных следов прошлого в историческом романе и киносериале, в детских игрушках и взрослых исторических реконструкциях.

* * *

В самоограничении мы руководствовались несколькими соображениями. Во-первых, наличие исследований, затрагивающих эти и многие другие практики публичной и прикладной истории, избавляло нас от необходимости специального обращения к ним²⁶.

Во-вторых, поле нашего интереса ограничено двумя странами – Германией²⁷ и, в меньшей степени, Россией. В книге лишь упоминаются, например, парижские и лондонские блошинные рынки, имеющие репутацию самых богатых и интересных. При этом термин «блошинный рынок» используется как понятие, синонимичное «барахолке», «толкучке» и другим обозначениям рынка под крышей или под открытым небом, который в различном сочетании выставляет на продажу бывшие в употреблении предметы²⁸. Важным, однако, для ограничения объекта исследования является хотя бы минимальный шанс, что на такой рынок попадут предметы старины. Поэтому из поля внимания исключены рынки товаров из складских остатков и новых товаров мелких производителей, иногда также именуемые «блошиными рынками». С таким явлением мы, к нашему разочарованию, столкнулись в Италии, на огромных субботних «блошинных рынках» в Больцано, Форли и Римини.

²⁶ Подробнее о состоянии исследования публичной и прикладной истории см.: Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (дата обращения: 18.10.2022); Косенко А. Почему история больше не в руках ученых и политиков. <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206933-public-history> (дата обращения: 18.10.2022); Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011; Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского и В. Дубиной. М., 2021; De Groot J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. London, 2016; Cauvin T. The Rise of Public History: An International Perspective. <https://doi.org/10.7440/histcrit68.2018.01> (дата обращения: 18.10.2022).

²⁷ Несколько событий, описанных в книге, происходят в немецкой части Швейцарии, на двух базельских рынках, посещения которых дополняют немецкий опыт авторов.

²⁸ Этот подход соответствует предложению немецкого социолога Гюнтера Винтера, который в диссертации о барахолках использует этот термин синонимично с другими названиями рынка вторичных товаров. См.: Winter G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. Göttingen, 1996. S. 249.

В-третьих, мы старались отсеять практики обращения с предметами старины, которые не были так или иначе связаны с деятельностью блошиного рынка. Поэтому мы оставили в стороне музейные практики, в действительности центральные для изучения предметной среды, а среди многочисленных немецких телепередач об антиквариате выбрали лишь одну, которая, подобно блошиному рынку, организована вокруг купли-продажи старых и редких вещей из семейных запасов.

В-четвертых, мы решили сосредоточиться не на любых бывших в употреблении предметах, представленных на блошином рынке, а на сегменте старых и старинных вещей в возрасте 75–100 лет и старше. В книге применительно к рынку подержанных предметов используется термин «приватная общественность»: он был введен социологами для обозначения промежуточной зоны между приватно-досуговой и общественно-трудовой деятельностью²⁹. Однако мы используем его с важной оговоркой. Авторы концепции «приватной общественности», как правило, недооценивают значение прошлого в свободном времяпрепровождении, связанном с блошиным рынком. В производимой ими интерпретации столкновения человека с прошлым на рынке старых вещей акцент неизбежно смещается с приватного на общественное: важно, что предметы из домашнего, семейного обихода и владения выставляются на продажу и напоказ. Между тем рынок бывших в употреблении предметов поощряет, по нашему убеждению, не публичное, а приватное, неприметное для (научной) общественности обращение с прошлым, материальные следы которого лишь мимолетно появляются на рыночных прилавках, чтобы поменять одного частного владельца на другого и перекочевать из одного приватного пространства в следующее.

Не случайно для подзаголовка этой главы («Приватное измерение прошлого») выбран контрастный парафраз заглавия известного программного текста по прикладной истории³⁰. На примере блошиных рынков мы предлагаем более внимательно присмотреться к невидимым для публики практикам приватного обращения с прошлым, сокрытым по причине их использования в домашнем, семейном интерьере, или из-за того, что торговцы и посетители блошиного рынка часто прибегают к полулегальным и даже преступным действиям. Важным ресурсом и местом приложения таких практик и выступает рынок подержанных вещей.

* * *

В итоге книга, которую держит в руках читатель, посвящена не всем предметам, которые продаются на рынке подержанных вещей, и, с другой стороны, не только блошиным рынкам. А значит, наша исследовательская миссия не ограничивается данью памяти Манни. Ключевая тема книги – альтернативное, приватное обращение с прошлым через посредничество материальных носителей прошлого. Ее герои – вещи с историей, волею судеб очутившиеся на блошином рынке, и люди, наделяющие историями продаваемые или купленные предметы. Это обычные люди, с уже сформированными представлениями об истории, вовсе не обязательно совпадающими с прописными истинами, усвоенными в школе или с помощью СМИ. Это инициаторы своеобразных форм поддержания памяти о былом, зачастую весьма далеких от официального государственного репертуара праздников и ритуалов.

Среди наших героев помимо продавцов и покупателей блошиных рынков встречаются люди, которые ассоциируются в нашей памяти с хранимыми или утраченными предметами, даже если эти обладатели материального наследия относились к блошиным рынкам равно-

²⁹ Rülcker C., Winter G. Kulturelle Nebensächlichkeit und private Geselligkeit: Zu institutionellen Formen einer beliebten Koalition, Vorüberlegungen zu einem theoretischen Orientierungsrahmen für die Deskription und Analyse privater Öffentlichkeit // Duisburger Beiträge zur soziologischen Forschung. 1994. № 2. S. 5; Winter G. Trödelmärkte... S. 16–24.

³⁰ Аккерманн Ф. и др. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого...

душно и никогда их не посещали. Среди «обитателей» блошиного рынка читатель встретит, наконец, и самих соавторов. Мы побывали на нем в различных ролях – покупателя и продавца, эксперта и зеваки, завсегдатая и случайного посетителя³¹. Наша память – главный побудитель и источник этого проекта. Собственный жизненный опыт, включая социологический и этнологический опыт включенного наблюдения, а также опыт работы с историческими источниками – один из главных исследовательских инструментов, примененных в этой книге.

*Текст – научный или художественный?*³²

После смерти Манни мы переформатировали свой проект из научного в литературно-художественный. Явные следы этого замысла видны в тексте книги. Мы решили отказаться от птичьего языка «посвященных» профессионалов и прибегнуть к прямому обращению к читателю, минуя экспертное сообщество. Мы не постеснялись опереться на собственные память и опыт, а текст сконструировать экспериментально – нелинейным способом. Мы намеренно записывали прямую речь в виде реплик диалога даже в тех случаях, когда в тексте фигурирует реплика лишь одного персонажа, – такая запись даже визуально приближает наше повествование к беллетристическому.

И тем не менее произведение, которое держит в руках читатель – соединение литературы и науки. Оно является научным, но принадлежит науке особого рода: ее один из нас назвал «лирической историографией»³³. В начале XXI века историк и социолог Дина Хапаева сформулировала предположение о возможности «возникновения новой тенденции, свидетельствующей о переходе от социальных наук к постнаучному состоянию, к новой форме интеллектуального творчества». По мнению Хапаевой,

мы присутствуем при возникновении интеллектуального письма, чья правдивость не сводится ни к выяснению того, как «было на самом деле», ни к неукоснительному следованию правилам Вульгаты социальных наук. Одной из его особенностей может стать способность наделять прошлое и настоящее смыслом сквозь призму современного политического и художественного восприятия, другой – возникновение «лирического героя», «я-рассказчика» интеллектуального письма, а способность раскрыть интеллектуальную или событийную интригу вытеснит страсть к отражению «объективной реальности»³⁴.

Нашу книгу позволяет отнести к «лирической историографии» прежде всего присутствие авторов – активных рассказчиков³⁵. Иначе и быть не могло: мы воспринимаем себя как часть пространства блошиного рынка, мы не желаем дистанцироваться от персонажей, в реальной жизни ставших нашими друзьями и добрыми знакомыми. Подобно литераторам, мы конструируем текст, опираясь на собственный и чужой опыт.

³¹ У И. Нарского, постоянно проживавшего в Мюнхене, этот опыт, естественно, был более интенсивен, многообразен и рутинизирован, чем у Н. Нарской, время от времени приезжавшей в гости и на первых порах не владевшей немецким языком.

³² Мы признательны Константину Богданову за идею написать теоретическое эссе о причинах и принципах соединения в этой книге научного текста и беллетристики.

³³ Подробно о лирической историографии см.: Нарский И. В. Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 56–70.

³⁴ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 187.

³⁵ В последние годы присутствие автора в качестве активного и неравнодушного героя исторического исследования особенно заметно в англоязычном научном пространстве. См., например: Brown K. Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future. London, 2019; Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in the Soviet Hippieland and Beyond. Oxford, 2021. Мы признательны Б. Шенку за то, что он обратил наше внимание на стилистику этих трудов.

Мы придерживаемся убеждения, что эксплицитная и отрефлексированная включенность опыта ученого в исследовательский процесс не мешает, а помогает исследованию. Или, еще точнее: без осознания своей включенности в историю, которую изучаешь, нет научного исследования.

* * *

В пользу этой позиции имеются и теоретические аргументы, и впечатляющие результаты конкретных исторических исследований. Так, создатель философской герменевтики Ганс-Георг Гадамер систематически обосновал гипотезу о том, что исследователю не дано избрать позицию объективного наблюдателя, поскольку он не в состоянии избавиться от своих донучных знаний, обозначенных философом как «предрассудки». Но именно они-то и позволяют ученому установить диалог с источником, узнать и объект изучения, и самого себя. Важно ясно видеть собственные «предрассудки как условие понимания» и понимать их происхождение, чтобы не представлять их себе в виде абсолютной истины, в столкновении со следами прошлого высокомерно проходя мимо всего, что этой истине не соответствует:

Подлинно историческое мышление должно осознавать и собственную историчность. Только в этом случае оно не будет гоняться за призраком исторического объекта, который является предметом продвигающегося исследования, а сможет научиться познавать в объекте Иное Своего, а тем самым – и то и другое. Подлинный исторический предмет – не предмет, а единство Своего и Другого, соотношение, в котором заключается и правда истории, и правда исторического сознания³⁶.

Таким образом, субъективность исследователя прошлого может превратиться из недостатка, с которым ведется тщетная борьба, в плодотворный инструмент познания.

С работой литератора усилия «историка-лирика» сближает ориентация не на достижение «объективности» как цели исследования, а на создание «эффектов реальности» (Ролан Барт), наглядности, «ощущения подлинности воскрешенного прошлого»³⁷. Как подчеркивал Йохан Хёйзинга, «исследование истории и создание произведений искусства объединяет определенный способ формирования образов»³⁸.

Это не означает, конечно, что эффект подлинности научного текста может достигаться за счет замалчивания отдельных фрагментов источника или его искажения – это свойство придворных историографов и героев недобросовестной исторической политики. Вместе с тем мы не считаем, что историку заказана дорога к авторскому воображению, фантазии и вымыслу. Если понимать изложение истории как часть процесса осмысления былого, использование фикции перестает быть операцией, недопустимой для историка. Более того, авторская фантазия может усилить эффект подлинности рассказываемой истории. В этом нетрудно убедиться, почитав, например, как Ален Корбен «дописывает» исторические документы, создавая художественную биографию башмачника³⁹, или как Карло Гинзбург и Натали Земон Дэвис вступают в виртуальные диалоги с героями своих книг⁴⁰.

³⁶ Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik. 6. Aufl. Tuebingen, 1990. S. 305.

³⁷ Козлова Н. Н. Советские люди... С. 18.

³⁸ Цит. по: Burke P. Augenzeugenschaft. Bilder als historische Quellen. Berlin, 2003. S. 11.

³⁹ См.: Corbin A. Auf den Spuren eines Unbekannten. Ein Historiker rekonstruiert ein ganz gewöhnliches Leben. Frankfurt/M.; N. Y., 1999.

⁴⁰ Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000; Дэвис Н. З. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. М., 1999.

* * *

Нелишним будет напомнить, что фантазию историка от фантазии литератора отличает известная «дисциплинированность», задающая допустимые пределы ее полета. Ханс Юрген Гетц заметил, что сила воображения исследователя – это

научно-исторически необходимая сила познания. Таковой она является в трех отношениях: во-первых, она заполняет пропуски, которые имеются в источниковом материале, свидетельствующем о прошлом. Во-вторых, она учитывает то обстоятельство, что история доступна нам не как предметная «действительность», а только как отношение между прошлым и настоящим, между чужим и своим, между целостным и лишь частично воспринимаемым. В-третьих, она указывает на то, что в форме рассказа она создает средство адекватного выражения перехода из настоящего времени в прошедшее – перехода, который меняет, так сказать, агрегатное состояние людей и вещей или обуславливает потерю реальности⁴¹.

Такое определение функций воображения историка позволяет ясно разграничить стратегические установки и процедуры «дисциплинированной фантазии» историка и воображения романиста. Несколько упрощая, можно утверждать, что ученый исходит из источников, «отшелушивая» которые, силой собственного воображения создает один из возможных рассказов о прошлом. Литератор же исходит из авторской фантазии, которая прибегает к исторически достоверным для читателя деталям (в том числе почерпнутым из документального материала) для придания убедительности плоду писательского воображения.

Мы разделяем тезис Александра Эткинда, что «миссия интеллектуала состоит в том, чтобы делать идеи интересными»⁴². Чтобы сделать книгу интересной, мы воспользовались, наряду с литературным языком, рядом стратегий. Среди них комбинирование разнообразных форм изложения и создание на их основе мозаик и коллажей, допускающих нелинейное чтение текста. Другая стратегия – включение в текст автобиографических размышлений и записей из полевых дневников; так мы открываем нашу исследовательскую лабораторию для читателя. С этим же намерением книга начинается с интригующей детективной истории, содержащей событийную, логическую и интеллектуальную загадку:

Отсутствием интриги обычно и скучны «научные тексты». <...> Интрига способствует превращению текста в квазилитературный, изменяя его жанр по сравнению с дискурсом социальных наук⁴³.

Фикциональность и документальность, литературность и научность представляются контрастными программами лишь при поверхностном рассмотрении:

Хотя история аморфна, она содержит кое-что сопротивляющееся тотальному разложению и защищающее ее от превращения в игрушку нашей произвольности. Но это – не поддержание альтернативы «факт *или* фикция», а осознание взаимосвязи фактов *и* фикции⁴⁴.

Эффекты реальности в конечном счете рождаются не из представленных документов, а из связывающей их авторской интерпретативной логики, содержащейся не в источниках, а в

⁴¹ Goertz H.-J. Umgang mit Geschichte. Eine Einführung in die Geschichtstheorie. Hamburg, 1995. S. 103.

⁴² Эткинд А. Два года спустя // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 111.

⁴³ Ханаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов... С. 178–179.

⁴⁴ Goertz H.-J. Umgang mit Geschichte... S. 104.

авторском воображении. По аналогии можно признать некорректность вопроса, которым озаглавлено это эссе: этот текст не научный *или* художественный, а научный *и* художественный. В этом одна из особенностей нашей книги.

Достижения и дефициты

Кратко обозначив основные повороты в развитии этого исследования, границы предмета и принципы его изучения, пора очертить в самом общем виде состояние исследования интересующей нас тематики, постановку вопросов и структуру книги, ее источники и методологию.

Среди исследований, послуживших отправной точкой для создания этой книги, наиболее значимыми являются некоторые изыскания о блошиных рынках, об истории вещей, о проблемах коллективной памяти и репрезентации прошлого.

Настаивать на отсутствии литературы о блошиных рынках было бы недопустимым преувеличением. Напротив, о них написано довольно много⁴⁵. Палитра жанров, в которых писалось и пишется о блошиных и антикварных рынках, толкучках и барахолках, весьма широка. Она простирается от путеводителей по знаменитым блошиным рынкам и рекламных проспектов для туристов⁴⁶ до ученых социологических, антропологических, экономических и лингвистических трудов⁴⁷, от практических пособий и каталогов для начинающего продавца или покупателя на блошином рынке⁴⁸ до описаний в мемуарах и художественных текстах⁴⁹, от журналистских расследований и репортажей⁵⁰ до детских рассказов с картинками⁵¹. Часто

⁴⁵ Ниже упомянута ничтожно малая часть этой литературы, посвященная преимущественно немецким и русским блошиным рынкам. Значительная ее часть – справочная и рекламная литература, туристические путеводители по знаменитым барахолкам, периодика и художественная литература – относится к источникам, использованным в этом исследовании.

⁴⁶ См., например: *Möser M.* Das Trödelbuch: Die schönsten Märkte Europas. Frankfurt/M., 1991; *Die schönsten Antik- und Flohmärkte Europas: Termine, Angebot, Anfahrtswege.* 2. Aufl. München, 2000; *Grigoleit H. Th.* Die 100 schönsten Flohmärkte Europas mit Reiseführer. Regensburg, 2006.

⁴⁷ См., например: *Maisel R.* The Flea market as an action scene // *Urban Life and Culture.* 1974. № 2 (4). P. 488–505; *Fischer V.* Nostalgie, Geschichte und Kultur als Trödelmarkt. Luzern; Frankfurt/M., 1980; *Anderegg U.* Flohmarkt. Spaziergängen durch den Alltag. Zürich, 1981; *Jüngst P.* Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen...; *Hard G. u. a.* Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten; *Porath Y. u. a.* Ein Flohmarkt für Kassel // *Ibid.* S. 177–208; *Porath Y. u. a.* Kurzportraits deutscher Großstadtflohmärkte...; *Jüngst P., Rabemüller T.* Zur Rezeption «öffentlicher» und «privater» Flohmärkte...; *Gebhardt P.* Der Markt gebrauchter Güter...; *Karl W.* Flohmarkt...; *Winter G.* Trödelmärkte...; *Damsar.* «Fleamarket» in a German town...; *Item.* Der Flohmarkt als Spiegel sozialer Komplexität...; *Bromley R.* Street vending and public policy: a global review // *The International Journal of Sociology and Social Policy.* 2000. № 20 (1/2). P. 1–28; *Бредникова О., Кутафьева З.* Старая вещь как персонаж блошиного рынка // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 34. С. 91–96; *Паченков О.* Блошинный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // *Социальная политика: реалии XXI века.* Вып. 2. Независимый институт социальной политики. М., 2004. С. 271–314; *Паченков О. В., Воронкова Л. В.* Блошинный рынок как «городская сцена» // *Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. ст. М., 2014. С. 132–169; Воронкова Л. В., Сотникова Е. В., Паченков О. В.* «Это не рынок»: игра с форматами // *Практики и интерпретации: Ж-л филологических, образовательных и культурных исследований.* 2016. Т. 1. № 4. С. 142–184; *Харитонова Т. В.* Блошинный рынок – тоже рынок // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2016. № 4 (9). С. 38–49.

⁴⁸ См.: *Antiquitäten. Flohmarkt* / Hg. von A. Bangert. München, 1976; *Oberbeil K.* Kaufen und Verkaufen auf dem Flohmarkt. Düsseldorf, 1985; *Tips & Trends für Flohmarktfans. Second-Hand-Infos aus absolut erster Hand.* München, 1991; *Münz S.* Das schlaue Buch vom Flohmarkt: Was der Profi alles weiß. München, 2008.

⁴⁹ См.: *Кетлинская В. К.* Здравствуй, молодость! // *Новый мир.* 1975. № 11. С. 80; *Назубин Ю. М.* О Галиче – что помнится // *Рассказ синего лягушонка.* М., 1991. С. 219–220; *Kirshenbaum B.* Flohmärkte: Kleine Philosophie der Passion. München, 2003; *Малапарте К.* Бал в Кремле. М., 2019. С. 134–150.

⁵⁰ См.: *Picker G.* Fälscher – Diebe – Betrüger, Die Kehrseite des Kunst- und Antiquitätenmarkts. München, 1994; *Kampmann S.* Flohmärkte, in: *Planet-Wissen.* http://www.planet-wissen.de/kultur_medien/sammeln/flohmarkt/index.jsp (дата обращения: 18.10.2022); *Жарова Л.* Блошинный рынок в Болшеве: дешево и удобно или рассадник болезней? <https://korolevriam.ru/article/278660/bloshinyj-rynok-v-bolsheve-deshevo-i-udobno-ili-rassadnik-boleznej-.xl> (дата обращения: 18.10.2022); *Оболенцев В.* На блошинный рынок у «Удельной» наступает «цивилизация»: ее инициатор – загадочный фонд инвалидов: <http://www.online812.ru/2015/04/23/011/> (дата обращения: 18.10.2022); *Силина Ю.* Закроется ли блошка «Левша»? <https://cbsmedia.ru/v-moskve/zakroetsya-li-bloshka-levsha/> (дата обращения: 18.10.2022).

⁵¹ См.: *Ferra-Mikura V.* Ich weiß einen Flohmarkt. Wien; München, 1984; *Hacks P.* Die Kindergedichte und -Dramen / Werke. Bd. 10: Der Flohmarkt. Die Sonne. König, Kasper, Krokodil. Berlin, 2003; *Hill N. S.* Warum es auf dem Flohmarkt keine Flöhe gibt:

публикации о блошиных рынках комбинируют несколько жанров⁵². Одним только мюнхенским блошиным рынкам посвящено множество интернет-ресурсов и интернет-публикаций⁵³.

Многожанровая литература о блошиных рынках сама по себе указывает на отнюдь не маргинальное место этого явления в современной культуре. Этнологические, социологические, экономические исследования этого феномена ставят и отчасти решают вопросы об организации и функциях блошиного рынка в жизни современного человека. Однако большинство из них недооценивает обращение с прошлым как важную функцию рынка старых вещей и серьезный мотив его посетителей⁵⁴. Среди немногих исключений, в которых изучение барахолки в той или иной степени учитывает обращение его посетителей с прошлым⁵⁵, особо следует отметить проект петербургских социологов Л. В. Воронковой и О. В. Паченкова. От других социологических исследований блошиных рынков его отличает, во-первых, длительность. В разных составах исследователи анализировали отдельные рынки в России и Германии и сопоставляли их в течение полутора десятилетий XXI века. Во-вторых, этот проект апробирован в различных жанрах от академических исследований до выставок, перформансов и компьютерной игры⁵⁶. В-третьих, авторов интересуют различные типы ностальгии у посетителей блошиных рынков, что имеет прямое отношение к сфере интересов авторов этой книги: к вопросу об альтернативной, непрофессиональной и приватной работе с прошлым на рынке подержанных вещей.

Первые шаги в изучении антикварных и винтажных рынков делают критические исследования наследия (critical heritage studies)^{57, 58}. В западных исследованиях истории моды последних десятилетий блошинный рынок рассматривается в контексте интереса к винтажной одежде. В исследованиях винтажа сделаны важные наблюдения, требующие дальнейшего осмысления. Например, весьма продуктивен тезис о том, что, став на Западе с 1960-х годов источником креативных модельерских идей и объектов для винтажной моды, барахолка начала утрачивать статус рынка для бедных, дав толчок бурному развитию блошиных рынков⁵⁹.

Место блошиного рынка в обращении с прошлым, как ни странно, почти не рассматривается историками в качестве самостоятельной проблемы. Барахолки изредка упоминаются в связи с исследованием истории предметной среды, источников пополнения музейных

365 Andachten mit Aha-Effekt. 2010.

⁵² См., например: *Kirshenbaum B.* Flomärkte...; *Münz S.* Das schlaue Buch vom Flohmarkt...

⁵³ См., например: *Winkler C.* Die 10 aktuell (wirklich) besten Flohmärkte in München. <https://www.mucbook.de/die-10-wirklich-besten-flohmaerkte-muenchen> (дата обращения: 18.10.2022); *Schauberger A.* 11 wunderbare Flohmärkte in München, die ihr kennen solltet. <https://muenchen.mitvergnuegen.com/2017/11-flohmaerkte-muenchen> (дата обращения: 18.10.2022); *Murthy B.* Die besten Flohmärkte in München. <https://prinz.de/muenchen/artikel/116865-flohmaerkte-muenchen/> (дата обращения: 18.10.2022); Flohmarkt. <https://www.pomki.de/auf-gehts/ins-erlebnis/flohmarkt/> (дата обращения: 18.10.2022).

⁵⁴ Симптоматично, что Г. Винтер отнес рынок подержанных вещей к такой сфере досуга и «приватной общественности», как народные увеселения, поместив барахолки в один raster с цирком и ярмарочными качелями-каруселями! См.: *Winter G.* Trödelmärkte... S. 17.

⁵⁵ См.: *Fischer V.* Nostalgie...; *Heller H.* Über den Umgang mit Tradition...; *Паченков О. В., Воронкова Л. В.* Блошинный рынок...; *Воронкова Л. В., Сотникова Е. В., Паченков О. В.* «Это не рынок»...

⁵⁶ См.: *Воронкова Л. В.* «Социологические выставки»: визуальные презентации в социальных науках // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2009. С. 149–172; *Воронкова Л. В., Сотникова Е. В., Паченков О. В.* «Это не рынок»... С. 165–171.

⁵⁷ См., например: *Petkova G.* How to get a 2,000 % profit from selling an object // *International Journal of Heritage Studies*. 2004. Vol. 10. P. 361–367; *Brembeck H., Sörum N.* Assembling nostalgia: devices for affective captation on the re: heritage market // *Ibid.* 2017. Vol. 23. P. 556–574; *Handapangoda W. S., Bandara Y. M. H. M., Kumara U. A.* Exploring tradition in heritage tourism: the experience of Sri Lanka's traditional mask art // *Ibid.* 2019. Vol. 25. P. 415–436.

⁵⁸ Симптоматично, что в специальной тематической подборке «Культурное наследие и проблема наследования» журнала «Неприкосновенный запас» (2017. № 4. С. 133–235) блошинные рынки как потенциальный объект исследования практик создания и циркуляции предметов «исторического наследия» снизу не упомянуты ни разу.

⁵⁹ См.: *Old Clothes, New Looks* / Ed. by A. Palmer, H. Clark. Oxford, 2005; *Jenss H.* Sixties Dress Only! Mode und Konsum in der Retro-Szene der Mods. Frankfurt/M., 2007; *Item.* Fashioning Memory. Vintage Style and Youth Culture. London e. a., 2015; *Baker S. E.* Retro Style: Class, Gender and Design in the Home. London; N. Y., 2013.

и частных коллекций⁶⁰. Некоторые исследователи рассматривают блошинные рынки при изучении состояния экономики и общества в кризисных ситуациях. Например, истории советской повседневности, девиантного поведения советских граждан, рынка в эпоху сталинизма, стратегий выживания в социализме и после его краха, в условиях глобализации и нарастающей международной коммуникации⁶¹. Специальные исторические исследования блошинных рынков остаются делом будущего⁶². Книга, которую держит в руках читатель, – первое историческое исследование блошиного рынка. В этом ее вторая (после научно-художественного характера) особенность.

* * *

История блошинных рынков неразрывно связана с историей вещей⁶³. В отношении изучения «биографии вещей» есть немало предложений со стороны философов, социологов, филологов и антропологов⁶⁴. В нашей книге вещи будут выступать «следами» историй и людей,

⁶⁰ См., например: Юренина Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003; Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М., 2016; Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. М., 2016; Игнатьева О. В. Антропология коллекционирования. Пермь, 2021. <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnipo-sobiya/ignateva-antropologiya-kollekcionirovaniya.pdf> (дата обращения: 16.08.2021); Hudson K. A Social History of Museums. London, 1975; De Groot J. Consuming History...; Schulze M. Wie die Dinge sprechen lernten: Eine Geschichte des Museumsobjektes 1968–2000. Bielefeld, 2017. S. 258–262.

⁶¹ См., например: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 2-е изд. М., 2008. С. 189–191; Она же. Небесная голубизна английских одежд: Судьба произведений древнерусской живописи. 1920–1930-е годы. М., 2018. С. 479–482; Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 55–57, 347–349; Schlögel K. Marjampole oder Europas Wiederkehr aus dem Geist der Städte. Frankfurt/M., 2009; Item. Das sowjetische Jahrhundert... S. 28–37.

⁶² Карл Шлөгель предлагает историю блошиного рынка как многообещающую, но пока нереализованную перспективу. См.: Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert... S. 33. См. также: Нарский И. В. Анонимная жизнь, анонимная смерть, анонимные вещи: О блошином рынке и вторичной материальности // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 101–113; Она же. Блошинный рынок – барометр состояния общества и пространство ритуалов // Magistra Vitae. 2020. № 2. С. 94–108. http://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/94-108.pdf (дата обращения: 22.12.2020); Она же. Офицер вермахта в советской униформе: Полифония эго-документов из одного семейного архива // Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте. Екатеринбург, 2021. С. 369–387; Она же. Коротко о сомнениях научного руководителя и об исследовательском потенциале вещей с блошиного рынка // Путь и выбор историка: К 80-летию профессора В. В. Шелохаева: Сб. статей. М., 2021. С. 554–570; Нарский И. В., Нарская Н. В. Скудость предметной среды как исторический источник, или Казус двух телешоу // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. статей / Авт. – сост. Е. А. Воронцова. М., 2020. С. 666–677; Она же. Разговорчивые вещи: Об источниковедческой ценности предметов, найденных на блошином рынке (фрагменты из будущей книги) // Архив в социуме, социум в архиве: Материалы четвертой Всерос. научн. – практ. конф. / Сост., научн. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 372–375; Она же. Человек на блошином рынке, или Приватное измерение прошлого // Ученые записки Казанского университета. 2021. № 6. 16–30; Она же. Незамеченная история: блошинный рынок как место, источник и проблема исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22. № 3. С. 29–35.

⁶³ См.: Кнабе Г. С. Вещь как феномен культуры // Музеи мира... С. 111–141; Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: Сб. статей. Новосибирск, 2005; Ромашова М. В. Вещи и слова советского детства 1940–1950-х гг.: провинциальное измерение // Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов / Сост. Г. В. Макаревич. М.; Тверь, 2008. С. 207–216; Чашушкин А. В. Маникюр – «битлы» – часики: Культурные вещи советского подростка 1960-х годов // Там же. С. 217–231; Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. статей. М., 2020; The Social Life of Things / Ed. A. Appadurai. Cambridge, 1996; Schechter B. M. The Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects. Ithaca, NY, 2019; Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М., 2022.

⁶⁴ См.: Третьяков С. Биография вещи // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 1929. С. 70–71; Пирс С. Новый взгляд на старые вещи // Museum. 1999. № 4. С. 12–17; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001; Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна [Внесен Минюстом РФ в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента]. М., 2006; Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96; Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М., 2012; Артюшина А. В., Баранов Д. А., Вахштайн В. С. и др. Незамеченные революции // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 7–92; Вахштайн В. С. Три «поворота к материальному» // Там же. С. 22–37; Соколовский С. В. К самим вещам? (Об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология. Вып. 21. 2016. С. 10–35; Российская антропология и «онтологический поворот» / Под ред. С. В.

участвовавших в этих историях. «Следами» в том смысле, в каком этот термин использовал Карло Гинзбург, отнеся историческую науку к области индивидуализирующего качественного знания, основанного, наподобие палеонтологии или криминологии, на распутывании следов⁶⁵.

Люди и вещи находятся в сложных и напряженных, но равноправных отношениях. По убеждению французского социолога и философа науки Бруно Латура, «объекты – это не средства, а скорее посредники... Они не передают покорно нашу силу – во всяком случае, не больше, чем мы покорно выполняем их указания»⁶⁶.

Человеческое отношение к вещам, обращение с вещами, включая разговоры или молчание о них, предательски красноречивы. Взаимодействие людей и вещей способно рассказать о людях, об их буднях и праздниках, о публичном и интимном, о надеждах и страхах, о радостях и печалях больше, чем может представить себе самый словоохотливый рассказчик. В этом контексте метафора говорящей или молчащей вещи перестает быть литературным приемом и становится самостоятельной исследовательской проблемой. Об этом свидетельствует, помимо прочего, «онтологический», или «материальный, поворот» (одним из идеологов которого и выступил Бруно Латур) в науках об обществе и культуре. Он отражает стремление ученых преодолеть характерное для современной науки и культуры господство языка и противопоставление объекта и субъекта, природы и культуры, тела и разума. «Материальный поворот» нацелен на целостное изучение вещи как материального и культурного, природного и рукотворного феномена.

Под целостным анализом предмета в данном случае подразумевается рассмотрение его из двух перспектив – исходя из того, что человек вкладывает в него как в материальный объект, и из инвестиции человеческого сознания в придание предмету культурного смысла. Этот подход принципиально близок структуралистскому предложению Жана Бодрийяра рассматривать систему вещей на двух уровнях – невербальном (технологическом) и вербальном (дискурсивном)⁶⁷.

Конечно, возможности целостного анализа вещи, исходя из свойств предмета и из представлений человека о нем, напрямую зависят от обилия информации о ней, от потенциала ее атрибуции – то есть от контекста ее создания и от ее владельцев. Теоретические установки на практике могут использоваться лишь приблизительно – настолько, насколько это позволяет источниковая база. Тем не менее история блошиного рынка наверняка может внести свой вклад в осмысление места вещи как исследовательского объекта, источника и инструмента.

* * *

Благоприятная конъюнктура для изучения вещей, в том числе в нашей стране, отразилась, помимо прочего, в деятельности наиболее продвинутых российских издательств. Так, среди семи десятков книг в продолжающейся серии «Культура повседневности» издательства «Новое литературное обозрение», увидевших свет между 2002 и 2023 годами, несколько публикаций посвящено истории предметов – куклы Барби, зеркала, унитаза, велосипеда, елочной игрушки и т. д.⁶⁸ Библиотека журнала «Теория моды» этого же издательства предлагает в числе

Соколовского. М., 2017; Голубев А. Вещная жизнь... С. 12–28; Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess // The Social Life of Things / Ed. Appadurai. Cambridge, 1986. P. 64–91; Brown B. Thing Theory // Critical Inquiry. 2001. Vol. 28. № 1. P. 3.

⁶⁵ См.: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 189–241.

⁶⁶ Латур Б. Об интеробъективности... С. 96.

⁶⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей... С. 5–8. См. также: Гурова О. Советское нижнее белье: Между идеологией и повседневностью. М., 2008. С. 17–19.

⁶⁸ См.: Горалик Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. М., 2005; Мельшиор-Боше С. История зеркала. М.,

четырёх десятков книг несколько исследований об одежде и обуви⁶⁹. Издательство «КоЛибри» выпустило небольшую и, к сожалению, завершившуюся серию из одиннадцати книг с красноречивым названием «Вещи в себе», предложив читательскому вниманию книги об истории культуры питания и одежды⁷⁰.

Хотя исторический цех, в отличие от социологов и антропологов, в меньшей степени оказался затронутым веяниями «материального поворота» в науках об обществе и культуре, в последние годы вышло значительное количество исторических исследований, в которых предметы являются объектами и отправными точками широких исторических обобщений. Рамку традиции в исторической интерпретации предметной среды задают исследования, ставшие бестселлерами и классикой среди работ этого направления. Среди них, например, книга Сиднея Минца о культурной истории сахара⁷¹. К каноническим историческим исследованиям вещей принадлежит и панорамное изображение всемирной истории через музейные объекты, вышедшее из-под пера бывшего директора Британского музея Нила Макгрегори⁷².

Показательно, что именно те исследователи, которые обратили внимание на блошинные рынки как достойный объект научной рефлексии историка, практикуют историю вещей как важный подход к познанию прошлого – правда, как всегда немного не успевают за литературно-художественными экспериментами в анализе советского прошлого⁷³. Так, Наталия Лебина избрала форму энциклопедии или справочника о вещах и связанных с ними явлениях в качестве формы изложения советской истории – будь то продукты питания, предметы быта и культы, объекты и образы, обеспечивающие или символизирующие труд и отдых, будни и праздники⁷⁴. В трудах Елены Осокиной о поисках Советским государством средств для индустриализации важными, если не главными героями являются драгоценности и православные иконы⁷⁵. А Карл Шлёгел представляет в фундаментальном труде о советской цивилизации предметы – от орденов до оберточной бумаги, от духов до мусора, от Большой советской энциклопедии до телефонного справочника⁷⁶. Он же посвятил изящное исследование предметам из области парфюмерии, в котором главными героями являются создатели духов, дизайнеры флаконов, менеджеры капиталистического и социалистического парфюмерного дела, модельеры одежды и, наконец, сами парфюмы и их потребители⁷⁷.

2006; Богданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007; Он же. Unitas, или Краткая история туалета. М., 2007; Он же. Лекарство от скуки, или История мороженого. М., 2007; Рубинов А. История бани. М., 2006; Он же. История трех московских магазинов. М., 2007; Крейк Д. Краткая история униформы (Форма напояз: от традиционализма к вызову). М., 2007; Херлихи Д. История велосипеда. М., 2009; Сальникова А. История елочной игрушки...; Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М., 2020 Дизайн детства. Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней. Под ред. М. Брендоу-Фаллер. М., 2021.

⁶⁹ См.: Гурова О. Советское нижнее белье...; Стил В. Корсет. М., 2010; Бар К. Политическая история брюк. М., 2013; Обувь. От сандалий до кроссовок / Ред. П. Макнил, Дж. Риелло. М., 2013.

⁷⁰ Келли Д. Порох. От алхимии до артиллерии: История вещества, которое изменило мир. М., 2005; Сэффрон И. Икра: Светлое прошлое и темное будущее великого деликатеса. М., 2006; Курлански М. Всеобщая история соли. М., 2007; Локхарт Р. Виски: Шотландский секрет глазами английского шпиона. М., 2007; Реброва Д. Происхождение вилки: История правильной еды. М., 2007; Хоттори Р. Неглиже. Нескромный взгляд под... М., 2008.

⁷¹ См.: Mintz S. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. N. Y., 1985.

⁷² См.: Макгрегор Н. История мира в 100 предметах. М., 2012.

⁷³ См., например: Макин А. Французское завещание // Иностранная литература. 1996. № 12. С. 18–127; Гранин Д. Керагоз и все другие: Ленинградский каталог. М., 2003; Брускин Г. Мысленно вами. М., 2003. Анализ художественной рефлексии о советском прошлом см.: Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 5. <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgi.html> (дата обращения: 18.10.2022).

⁷⁴ См.: Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей...; Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М., 2019.

⁷⁵ См.: Осокина Е. А. Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2022; Она же. Небесная голубизна ангельских одежд...

⁷⁶ См.: Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert...

⁷⁷ См.: Item. Der Duft der Imperien. Chanel № 5 und Rotes Moskau. München, 2019.

* * *

Вещи являются не только материальными предметами, но и символами, то есть указателями на иную действительность. Поэтому важным ориентиром и пищей для размышлений в этой книге послужили исследования культуры воспоминания⁷⁸ и исторической политики⁷⁹, рассказа, образа и репрезентаций как замещения вещи в словесном⁸⁰ или визуальном образе⁸¹. Для понимания обращения и взаимодействия человека с вещественной средой важны не только предметы как «вещи в себе». Не менее важны представления о них, демонстрация и образ вещей в человеческом поступке, слове и изображении. Не следует забывать, что не жизнь определяет форму ее репрезентации в тексте, а, напротив, избранная форма повествования оказывает определяющую роль в оценке событий и опыта. Этот тезис распространим не только на биографию, в которой человек, подобно главному герою знаменитого романа Макса Фриша⁸², словно одежду, примеряет на себя различные истории, но и на рассказы о вещах. Образы материальных объектов могут переживать удивительные метаморфозы в зависимости от перспективы их рассмотрения и формы рассказов о них.

В связи с двойственной – естественной и культурной – природой вещей мы посчитали полезным ориентироваться на представления о новой мемориальной культуре, заявившей о себе в Европе – и прежде всего в Германии – в течение последних четырех десятилетий. Согласно ей, ныне прошлое не отделено непреодолимой стеной от настоящего и будущего и не является сферой интересов исключительно профессиональных историков:

Теперь мы живем в мире, – пишет Алейда Ассман, – где жертвы колониализма, рабства, Холокоста, мировых войн, геноцида, диктатур, апартеида и других преступлений против человечности по всему земному шару поднимают головы, чтобы рассказать, как все было с их точки зрения, и тем самым заявить о новом взгляде на исторические события⁸³.

Будучи местом перманентного альтернативного толкования изменчивого прошлого, блошинный рынок рассматривается в книге как порождение нового ощущения времени, как часть этого ощущения и реакция на него. Обращение к указанным тематическим блокам исследо-

⁷⁸ См.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004; Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014; Она же. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016; Она же. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017; Она же. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019; Markowitsch H. J., Welzer H. Das autobiographische Gedächtnis. Hirnorganische Grundlagen und biosoziale Entwicklung. Stuttgart, 2005.

⁷⁹ О современном состоянии этого феномена см.: Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011; Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера и М. Липман. М., 2012; Энгле Н. Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020; Курилла И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М., 2022; Kaposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europa and Russia. Cambridge, 2018.

⁸⁰ См.: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; Рикер П. Время и рассказ. М.; СПб., 2000; Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002; Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003; Он же. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2009; Он же. Политическая репрезентация. М., 2012; Plato A. von. Zeitzeugen und die historische Zukunft. Erinnerung, kommunikative Tradierung und kollektives Gedächtnis in der qualitativen Geschichtswissenschaft – ein Problemaufriss // BIOS. 2000. № 13. Н. 1.

⁸¹ См.: Баксендолл М. Узоры интенции: Об историческом толковании картин. М., 2003; Панюфски Э. Этюды по иконологии. СПб., 2009; Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. London, 2001.

⁸² См.: Фриш М. Назову себя Гантенбайн // Фриш М. Избр. произведения: В 3 т. Т. 2. М., 1991.

⁸³ Ассман А. Трансформация нового режима времени // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Т. 1. М., 2014. С. 29. <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/4/transformaczi-novogo-rezhima-vremeni.html> (дата обращения: 18.10.2022).

вательской литературы стало исходным моментом для размышлений вокруг оформившихся в процессе ее чтения вопросов.

Постановка вопросов, структура работы, разделение труда

В этой книге предпринята попытка сложить калейдоскоп хронотопов (Михаил Бахтин) – предметов, в которых соединяются место и время⁸⁴, – и людей, их продающих и приобретающих. Причем предметы толкучки, как правило, не относятся к разряду музейных экспонатов или художественных произведений, а представляют собой артефакты ушедшей или уходящей повседневности. При таком подходе блошинный рынок оказывается местом, которое не только дает вещам шанс на вторую жизнь, но и задает иную перспективу в изучении общества и его представлений о собственном прошлом. Однако это пока еще недооцененный клондайк⁸⁵ для исследователей общества – его устройства, культуры, социальных практик. Истории с блошиного рынка – как и сам блошинный рынок в качестве культурно-исторического феномена – остаются для большинства историков незаметными и, судя по состоянию историографии, почти незамеченными.

Чтобы структурировать эту слабо поддающуюся организации, неустойчивую массу вещей и лиц, книга разделена на шесть частей. В большинстве из них будут присутствовать три объекта – события/процессы, люди и вещи. Каждая из частей построена вокруг исследовательского вопроса, объединяющего излагаемый материал. В первой, вводной части мы ориентируем читателя в организации книги и знакомим с ее особенностями и авторами. Главными в ней являются вопросы о том, какого рода наука практикуется в книге и чем объяснить неочевидную для историка и социолога любовь авторов к старым вещам и рынкам их циркуляции. Читатель, с нетерпением ждущий истории происхождения и развития блошиного рынка, может пропустить знакомство с авторами и сразу обратиться ко второй части.

Во второй части речь пойдет преимущественно о блошином рынке как институте. В ней поставлен вопрос о том, в какой степени его организация, функции, круг посетителей, нормы, язык позволяют рассматривать блошинный рынок как отражение общества.

В третьей части в центре внимания находятся люди и их рассказы о старых и редких предметах. Это рассказы торговцев, владельцев (включая авторов книги и их близких) и СМИ, организованных для коммуникации о старых или странных вещах. Эту часть цементирует вопрос о том, как и зачем люди рассказывают о старых вещах.

В четвертой части фокус повествовательной оптики сместится с людей на предметы, которые сами превратятся в рассказчиков об их создателях и владельцах, о прежних временах и давних событиях. Объединяют эту часть вопросы, о чем молчат вещи и как можно попытаться их «разговорить». Разделение материала третьей и четвертой частей предпринято исключительно для удобства изложения. Если в третьей части речь в большей степени пойдет об инструментализации вещей для оправдания и обоснования определенного видения прошлого и настоящего, то в четвертой – об исследовательском потенциале предметов, о вещах как о средоточии информации и о возможностях ее добычи и использования историком.

Содержанием пятой части являются гендерные аспекты блошиного рынка. В ней расследуется разделение труда между его посетителями и посетительницами, а именно представления о преимущественно «мужских» и «женских» товарах, о стратегиях торга и покупки. Кое-что, сказанное в других частях, здесь подвергается ревизии. Центральным вопросом явля-

⁸⁴ Этот метод использует немецкий историк Карл Шлөгел в книге о советской истории как археологии погибшего мира. См.: Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangeren Welt. München, 2017. S. 20–26.

⁸⁵ Мы признательны Елене Осокиной, именно так оценившей в переписке возможности, которые предоставляет историку изучение блошиного рынка, и тем самым поддержавшей нас на стадии размышлений о перспективах проекта. Однажды она и сама разделила с нами предвечернюю велосипедную поездку на мюнхенский блошинный рынок.

ется выяснение того, насколько гендерные стереотипы действенны или иллюзорны, релевантны или маргинальны для конструирования представлений о блошином рынке, о предметах из прошлого, для организации и структурирования жизнедеятельности толкучки.

Наконец, шестая часть посвящена «русскому следу» на толкучках и барахолках, то есть приключениям предметов и людей российского или советского происхождения на блошином рынке. В ней поставлен вопрос о специфике предметной среды в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. В какой степени авторам удалось ответить на поставленные в книге вопросы, судить читателю.

* * *

Необходимо внести ясность в вопрос о нашем, не вполне типичном в данном случае, разделении труда. Обычно в текстах, написанных в соавторстве, присутствует ясное, проблемно-тематическое разделение труда: соавторы работают над частями книги или статьи, которые соответствуют их компетенции, а затем эти части сводятся, стыки логически «затираются», стиль текста гармонизируется.

В данном случае соавторство было организовано совершенно иначе, и это третья, наряду с научно-художественной стилистикой и необычным предметом исследования, особенность книги. Приняв решение о совместной работе, мы начали писать в четыре руки и постоянно обсуждать друг с другом создаваемый текст. Подобный режим работы могут себе позволить только соавторы, практически все время находящиеся вместе. По этой же причине теперь уже довольно затруднительно определить в деталях, какая идея, фраза, формулировка кому из нас двоих принадлежит. Но поскольку главным исследовательским инструментом в этом проекте является различающийся по многим параметрам индивидуальный опыт каждого из нас, все крупные структурные единицы книги, за исключением первой главы вводной части, помечены фамилией только одного соавтора, от лица которого ведется повествование и опыт которого является в каждом конкретном случае точкой опоры. Исходя из этого критерия, предисловие, куски второй и третьей глав первой части, части со второй по четвертую и шестая, начало заключения и одно из послесловий принадлежат Игорю Нарскому, куски второй и третьей главы первой части, пятая часть и первое послесловие – Наталье Нарской. Все эссе первой главы и одно эссе последней главы первой части, а также львиная доля заключения в течение полутора лет многократно дополнялись, переформулировались и переписывались в ходе совместной работы над основной частью книги и дискуссий о принципиальных авторских позициях. Поэтому оно – плод соавторства. По этой же причине здесь местоимение «мы» встречается в большей концентрации, чем в других частях книги. Мы рады, что в конце концов добились необходимой для соавторства меры единодушия. То, что оно не абсолютно, на наш взгляд, делает книгу только интереснее. Мы надеемся, что текст книги получился идейно и стилистически достаточно гармоничным.

Зыбкая почва источников

Источниковое ядро этого исследования образуют два информационных комплекса. Первый из них – это предметы, увиденные или приобретенные на блошином рынке. Часть из них была куплена в течение года-двух после смерти Манни целенаправленно, с прицелом на будущее исследование. При виде таких вещей на прилавке торговца сердце начинало колотиться, а голова – напряженно работать в направлении оценки этой вещи как исторического источника, объекта или повода для исследовательского эссе.

Но большая часть вещей, представленных в книге, были найдены на блошином рынке еще до осознанной формулировки идеи этого проекта. Прошло довольно много времени, прежде

чем мы стали видеть в них не просто понравившийся артефакт, а источник важной информации. В еще большей степени это касается нескольких предметов, сопровождавших нас в течение десятилетий, с детства, и переживших драматичные метаморфозы, прежде чем попасть в этот текст. Эта, важнейшая, предметная часть документальной базы по понятным причинам не отражена в библиографии в конце книги.

* * *

Во второй источниковый комплекс входят рассказы наших собеседников с блошиного рынка, а также рассказы людей, не принадлежащих к корпорациям профессиональных историков и музейных работников, о старых вещах. Львиная доля этого материала собрана И. Нарским, длительно непрерывно жившим в Мюнхене. В качестве основных вопросов нас интересовали причины и обстоятельства, приведшие наших респондентов на блошинный рынок, их рассказы о том, каким рынок был раньше и чем отличается сегодня от былых времен, какова его роль в жизни наших информантов. Ничтожно малую часть интервью удалось с согласия наших визави записать на диктофон. Это происходило, как правило, если мы беседовали за пределами блошиного рынка.

Однако встречи вне рынка были редким исключением из правила. Чаще всего мы слушали эти рассказы во время совместной прогулки по блошиному рынку или в кафе, расположенном на его территории. Диалог осуществлялся «безоружно», даже без возможности по ходу разговора внести пометки в блокнот. Отказ от записи, как правило, мотивировался нежеланием, чтобы свидетели получили возможность идентифицировать разговор как предоставление информации, а не как заключение сделки или банальную болтовню «ни о чем». Приходилось полагаться на собственную память и по завершении разговора мчаться в ближайшее кафе или домой, чтобы зафиксировать услышанное. Понятно, что такие записи сложно назвать интервью в строгом смысле слова. Но на безрыбье и рак рыба – и полученные неполноценные интервью, вернее их конспекты, стенограммы и протоколы по памяти дорогого стоили и воспринимались нами как маленькие победы (включены в библиографию).

Мы были рады и такой возможности поговорить. Порой люди относились к нашим намерениям настолько недоверчиво, что и вовсе отказывались беседовать, несмотря на то что с просьбой об информации к ним обращались посредники из числа их добрых знакомых, которым те безусловно доверяли. От беседы отказались, например, несколько торговцев с нашего любимого мюнхенского блошиного рынка, а также ювелир, с которым сотрудничал Манни, и организатор когда-то очень успешных, но уже давно закрытых мюнхенских блошиных рынков. Русскоязычные завсегдатаи блошиного рынка были более разговорчивы и откровенны с соавтором-социологом.

В ряде случаев нам обоим пришлось апеллировать исключительно к собственной памяти, поскольку тех, кто мог бы скорректировать когда-то от них услышанное, нет в живых. Кого-то – с недавних пор (Манни здесь, к сожалению, далеко не единственный пример), кого-то – уже несколько десятилетий (как наших дедушек и бабушек).

В связи со спецификой сбора информации незаменимым источником второго комплекса оказались полевые дневники, которые, помимо прочего, включают составленные по горячим следам стенограммы незаписанных бесед. Они перемежаются с заметками о событиях, впечатлениях и приобретениях на блошином рынке. Покупки и изредка некоторые из некупленных вещей – с разрешения продавцов – визуально документировались с помощью фотографирования.

Ко второму комплексу источников относятся и всевозможные репрезентации старых вещей и блошиных рынков за пределами музейного дела и исторического цеха. Это коллекционерские и аукционные интернет-порталы, путеводители, справочники и периодика с информа-

цией для посетителей блошиных рынков, художественные тексты⁸⁶, комиксы и снятые по ним фильмы, а также телепередачи о старинных и курьезных предметах с барахолок. Эти источники будут представлены в свой черед, преимущественно во второй части. Мы должны, однако, заранее признаться: их отбор был довольно произвольным и зависел от спонтанного решения по ходу работы над текстом о том, куда нас ведут трезвые мысли, своенравные эмоции, причудливые ассоциации, запасы опыта и повороты памяти.

⁸⁶ См. сноски 37, 39–43.

ГЛАВА 2. РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ К СТАРЫМ ВЕЩАМ

Как бы мы ни старались избежать предрассудков, связанных с цветом кожи, убеждениями, классом или гендером, мы не сможем избежать рассмотрения прошлого с особой точки зрения.

Питер Берк⁸⁷

Эта глава бесполезна для читателя, который взял в руки нашу книгу с прицельным интересом к блошиному рынку. Ниже мы пытаемся вскрыть истоки и мотивы нашего интереса к старым вещам, который не является обязательным для историка или тем более для социолога. Поэтому читатель, желающий поскорее обратиться к истории блошиного рынка, может с чистой совестью перелистнуть следующие страницы и сразу обратиться ко второй части.

А. Горьковское детство (И. Нарский)

Признание самих себя частью предмета исследования побуждает к откровенности. Если авторы сами включены в историю, которую они изучают, они должны, следовательно, рассказать о том, что пробудило их интерес к предмету исследования и как персональные особенности их социализации, черты характера и опыт влияют на их взгляд на исследуемое. Откровенный рассказ авторов о себе сопряжен с определенным риском. У кого-то из читателей он может вызвать сопереживание и даже эффект узнавания себя в чужой истории. Но у другого читателя открытость автора может спровоцировать эффект подсматривания в замочную скважину и желание позлословить. Мы осознаем эти риски и сознательно идем на них.

Мне писать о событиях и людях, сформировавших меня, проще, чем моему соавтору. Когда-то я написал о них целую книгу, информацией из которой могу воспользоваться и к содержанию которой могу отослать любознательного читателя⁸⁸. У моей жены Наташи такой возможности нет, поэтому ее знакомство с читателем будет основательнее.

* * *

Мой интерес к старине и истории родился в детстве. Его пробудили преимущественно родители мамы. Мои родители в те годы служили в Челябинском театре оперы и балета и летом отправлялись на гастроли. И каждое лето в 1960-х – начале 1970-х годов я проводил в Горьком, как в то время назывался Нижний Новгород, на реке Волге. Поэтому начать необходимо с нескольких слов об этом городе.

В Горьком было все, чтобы ощутить присутствие ушедших времен. Город сохранил старый центр с кремлем, дворцами, общественными постройками и по-прежнему жилыми доходными домами в стилях помпезного историзма и изысканного модерна второй половины XIX – начала XX века от лучших российских архитекторов, да еще и вписанный в величественный ландшафт высокого правого волжского берега. Относительно хорошо сохранилась и «рядовая» строительная субстанция прежних эпох, которая осталась в пользовании без изменения функций и даже названий – например, Мытный и Сенной рынки. Местные жители продолжали пользоваться старой топонимикой, слегка подправляя советские переименования. Улица Свердлова, которая ранее была Покровским бульваром, или Покровкой, к примеру, в обиходе

⁸⁷ Burke P. Overture: the New History, its Past and Future // New Perspectives of Historical Writing / Ed. P. Burke. Cambridge, 1991. P. 1–23. Цит. по: Ровный Б. И. Введение в культурную историю. Челябинск, 2005. С. 33.

⁸⁸ Нарский И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.

именовалась Свердловкой. Наконец, в Горьком жили мои проводники по прошлому, ровесники XX века, родители мамы, обращавшие мое внимание на старые вещи и рассказывавшие их истории.

***У Хазановых: нежное прикосновение к старине*⁸⁹**

Борис Яковлевич Хазанов (1895–1979) родился в черте еврейской оседлости, в Могилевской губернии Российской империи. Сын меламеда (классного воспитателя в хедере), Борух Янкелев Хазанов за 15 лет между 1898 и 1913 годами получил крепкое среднее образование, пройдя через иудейский хедер, православную церковно-приходскую школу и городское училище (см. *ил.* 2). Лишь накануне Великой Отечественной войны ему удалось освоить специальные бухгалтерские дисциплины в объеме, предусмотренном программами экономических факультетов советских вузов. Тем не менее с 1913 по 1965 год он успешно работал в должности главного бухгалтера различных частных, а после революции 1917 года – кооперативных и государственных организаций. С 1927 года служебная карьера Хазанова была связана с советской энергетикой в Белоруссии, а затем в Балахне Горьковского края и в Горьком, где он, главный бухгалтер Горэнерго, в семидесятилетнем возрасте вышел на пенсию. В январе 1941 года он, проведя много лет в «сочувствующих» советской власти, был принят в ВКП(б).

Нина Яковлевна Хазанова (в девичестве Рывкина, 1900–1985) происходила из семьи мелкого служащего (см. *ил.* 3). Она училась в частной гимназии, которую не окончила, и помогала матери с домашними платными обедами. Здесь Нина и познакомилась с одним из «клиентов» этого «пансиона», Борисом Хазановым. Они поженились в октябре 1921-го, а в декабре следующего года родилась дочь Мира (Мириам, 1922–2009). Нина следовала за мужем, которого в 1920-х – начале 1930-х перебрасывали с места на место. В 1928 году у них родилась вторая дочь, Тамара, моя мама (1928–2022).

⁸⁹ Подробно о родителях матери и их отношении ко мне см.: *Нарский И. В.* Фотокарточка на память... С. 68–83, 235–237.

Ил. 2. Б. Я. Хазанов (1894–1979). Быхов, 1913

Ил. 3. Н. Я. Хазанова (1901–1985). Белоруссия, середина 1920-х

В 1946 году Тамара окончила общеобразовательную школу и Горьковское хореографическое училище. Затем она училась у легендарной А. Я. Вагановой на отделении педагогов хореографии в Ленинградской государственной консерватории. В 1951 году Тамара Хазанова с отличием окончила учебу в Ленинграде и уехала работать в Сталино (Донецк). Там в 1955 году она познакомилась с моим будущим отцом Владимиром Нарским (1928–2021), вышла за него замуж и поменяла фамилию (хотя в хореографических кругах ее еще несколько десятилетий больше знали как Хазанову). Поэтому ее дальнейшая история и влияние на мой интерес к прошлому будут обозначены в рассказе о Нарских.

Хазановы переехали из Балахны в Горький в 1940 году. С 1948 года они жили в маленькой, но очень уютной квартирке на улице Минина, в одном квартале от великолепной Верхне-

Волжской набережной и величественного Откоса на высоком правом берегу Волги. Именно в этой квартире и проходили мои летние месяцы в 1960-х и начале 1970-х.

* * *

На первый взгляд родители матери представляются правовежными советскими гражданами. Однако при более внимательном рассмотрении на их жизненном пути и в их быту обнаруживаются сомнительные для безупречной советской биографии явления. Хазанов встретил советский период истории обстрелянным – в буквальном смысле слова – мужчиной в возрасте за двадцать с собственным дореволюционным прошлым. Он когда-то работал на «капиталистическом» предприятии и в 1920-х годах считался «буржуазным специалистом». К тому же в 1915–1917 годах он служил в царской армии, во время военных походов бывал за границей, в Австрии и Румынии.

Нина Рывкина вынесла из частной гимназии «буржуазные» представления о семье и навыки ведения домашнего хозяйства. Она недолюбливала советскую власть и разговоры с супругом о политике прекращала возгласом: «Ай, не морочь мне голову своими коммунистами!» Она не читала советских газет, которые ей были неинтересны.

При внешней активности дед был очень закрытым человеком. Он был подчеркнуто вежлив с коллегами на работе и соседями во дворе, но эта вежливость была его броней, или мундиром, застегнутым на все пуговицы. Он избрал для себя стратегию социальной самоизоляции во всем, что не касалось служебных обязанностей: он не принимал участия в пьяных застольях, не толкался в курилке, не рассказывал анекдотов, не вел «пустых», в его терминологии, разговоров, не искал дружбы начальства и подчиненных, неохотно принимал гостей и выходил в люди.

Казалось, что он предан режиму. Но, будучи умным человеком, скорее всего, осознавал, что безоговорочно доверять властям не стоит. Недаром он советовал дочерям вступить в коммунистическую партию, чтобы иметь право «выслушивать в глаза» то, что о тебе думают.

В домашнем хозяйстве, которым уверенно руководила бабушка, было множество следов ее еврейского происхождения, диссонирующих с антисемитским фоном послевоенного СССР. В ее кулинарном репертуаре были кисло-сладкая курица или телятина (эсиг флейш), фаршированные мукой со шкварками куриные шейки и заливная рыба, фаршированная щука (гефилте фиш) и форшмак (геакте эренг), печеночный паштет (геакте лебер) и бульон с клецками, холодный свекольник (калте буречкес) и цимес из томленых сухофруктов, маковая баба и печенье тейглах. Разговоры, не предназначенные для ушей ребенка, велись на идиш, в котором к 1960-м годам Хазановы чувствовали себя не очень уверенно.

* * *

Борис и Нина Хазановы были любящими дедушкой и бабушкой и души во мне не чаяли. Они мне много читали, пока я не овладел этим навыком, и рассказывали о своей жизни. Живые рассказы бабушки об антисоветском стрелковом мятеже 1919 года в Гомеле и о немецких бомбардировщиках над Горьким в 1941 году потрясли мое воображение. Дед рассказывал мне о том, о чем не рассказывал собственным дочерям, в том числе о гибели родных в еврейском гетто от рук гитлеровцев. Но чаще все же родители мамы щадили мое чрезмерно развитое воображение. Бабушка описывала пикники в санаториях 1920-х годов, визиты в театры и рестораны. Дедушка знакомил меня с культурой восточноевропейского еврейства и даже пытался, правда безуспешно, привить мне азы идиш.

Его дочери вспоминали своего отца совсем не так, как я. Для них он был молчаливым, пытающимся своим молчанием уберечь детей от неприятностей:

У меня осталось впечатление, – вспоминала его старшая дочь, – что, когда что-то касалось его прошлого, он такими обтекаемыми, общими фразами говорил, что... я об этом знала из всего, что было напечатано в центральной прессе, и мне его ответ ничего не давал. И я, наверное, перестала просто его расспрашивать. Интересного он ничего не рассказывал. Я потом, когда он умер, думаю: «Как же это я его не расспрашивала?»⁹⁰

Слово Бориса Хазанова было веским, потому что звучало редко. Дома в 1920–1950-х годах не говорили о политике и о прошлом, родным языком почти не пользовались. Обе его дочери не знали ни слова на идиш, а о том, что отец был ранен во время Первой мировой войны, услышали от своих детей. Их образ отца – образ закрытого человека, закрытого буквально, отгородившегося газетой от внешнего мира.

Мне же он запомнился совсем другим: оживленно рассказывающим о своем детстве, о семейном укладе его родителей в Быхове, о работе на фабрике Школьников и Половца, о штыковой атаке под Львовом, о погибших в гетто сестре и брате; гуляющим с внуком по Откосу, кормящим воробьев, поющим еврейские песни, улыбающимся, смеющимся. Упорно молчавший в опасных 1920–1940-х годах, когда росли его дочери, которых он старательно оберегал от рискованного знания о прошлом, он «разговорился» со мной и внучками в относительно мирных 1960-х. Когда-то «застегнутый на все пуговицы», дед раскрылся, словно бы наверстывая упущенное.

* * *

Мягкое, не отягощенное травмами прикосновение к прошлому в квартире Хазановых обеспечивалось не только их заботливым вниманием ко мне, но и связью рассказов с красивыми старинными вещами, наполнявшими их быт. Бориса и Нину окружали изящные вещи – массивная резная старинная мебель, зеркала и лампы в стиле модерн, швейная машинка с золотыми узорами по черному лаковому фону, бабушкины собственные вышивки 1920–1950-х годов и фотографии, на которых родители моей мамы были молодыми людьми, одетыми и причесанными по моде 1920–1930-х годов.

Но предметы из прошлого не просто украшали интерьер квартирки Хазановых. Они использовались в быту, несмотря на старомодность. Так, бабушка гладила простыни, пододеяльники и наволочки по старинке, не утюгом, а длинным ребристым рубелем, с грохотом катающим тяжелую скалку с намотанным на него бельем. Она мастерски шила на старинной, с дореволюционным стажем, машинке «Зингер». А дедушка аккуратно сберегал в домашнем архиве следы своего прошлого, что позволяет документировать ранние периоды его биографии значительно надежнее, чем в случае его супруги.

С родителями матери мне было очень интересно, особенно когда мои дорогие старики доставали из огромного трехъярусного славянского буфета или из платяного шкафа с резными лилиями на двери коробки и пакеты с фотографиями и другое заветное содержимое. Я с любопытством разглядывал фото, на которых было множество незнакомых мне людей, совсем молодые бабушка и дедушка, их маленькие дочки, ветхие дедушкины документы с «ерами» и «ятями» в тисненой черной папке с завязками, массивные испорченные золотые часы с двойной крышкой, серебряные полтинники и рубли 1922 года с изображениями рабочего и крестьянина.

Бабушка и дедушка не только показывали мне старые вещи, но и описывали предметы утраченные – настольную лампу и чернильный прибор начала XX века, шубку, порванную

⁹⁰ Интервью с М. Б. Корзухиной, 21.01.2005 (архив авторов). Цит. по: Нарский И. Фотокарточка на память... С. 235.

в 1919 году взбунтовавшимися солдатами, украденные во время посещения Московского зоопарка в 1930-х годах карманные часы, сданный в торгсин серебряный Георгиевский крест. Их вещи и рассказы переносили меня в давно исчезнувший и потому особо притягательный, манящий мир.

* * *

Бабушки и дедушки давно нет в живых, но они всегда со мной. Я ясно вижу перед собой Нину Хазанову из 1960-х годов – маленькую подвижную фигуристую женщину с грустными серо-голубыми глазами под печально приподнятыми бровями, с яркими губками, с аккуратно уложенными с помощью химической завивки светло-каштановыми волосами. Мне не нужно напрягать память, чтобы мысленным взором увидеть Бориса Хазанова, его добрые светло-карие глаза, крупный мясистый нос, тонковатые губы, холеное, чуть полноватое, но без выпирающего живота тело, его ухоженные руки с очень мягкими ладонями, ровными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Я помню его неторопливую, мелкими шажками, походку, негромкую, медленную и правильную речь с тщательно подобранными словами. Я вижу и слышу родителей мамы так, словно только вчера расстался с ними.

По сей день мне то и дело встречаются вещи, напоминающие о горьковском детстве. Спустя более трети века после кончины бабушки я время от времени открываю среди европейской выпечки «бабушкины» кулинарные шедевры, которые, оказывается, называются не «рулетики с вареньем и орехами», а итальянские *cantuccini*, не «песочное печенье», а немецкие рождественские *Gewürz-Spekulazius* или *Plätzchen*.

Однажды на блошином рынке мне встретила небольшая, высотой 26,5 сантиметра, французская бронзовая статуэтка. На высоком барном стуле в легком платье ниже колен с широким поясом, в изящных туфельках и популярном в Париже 1920-х годов тюрбане поверх коротко остриженных волос в элегантной позе сидит красавица эпохи ар-деко. Она подкрашивает губки, глядясь в маленькое круглое зеркальце. Автор скульптуры – румынско-французский мастер Деметер Чипарус (1886–1947). Работа относится к 1920-м годам, периоду его зрелости, когда он ваял преимущественно танцовщиц и красавиц. Бронзовая красавица работы Чипаруса удивительно похожа на мою бабушку, ровесницу XX столетия, какой я знаю ее по фотопортретам 1920-х годов.

Дедушка и бабушка приоткрыли мне дверь в «доброе старое время», в годы своей молодости, в культуру, в которой росли, в эпоху, из которой происходили. Уверен, что их вклад в рождение во мне интереса к истории и любви к красивым старинным вещам был основополагающим.

Через много лет после смерти дорогих мне стариков я стал пытаться разобраться в их жизни, надеждах, радостях, страхах и травмах. Я стал изучать время их молодости – русскую революцию, дореволюционный и советский антисемитизм, их представления о культурности и культурном досуге, их взгляды на прекрасное и уродливое, достойное и постыдное. Сохранив лишь осколки их предметной среды и утратив все остальное, я стал встречать фрагменты или аналоги утраченного на рынке старых вещей. И вот теперь я пишу об этом, вновь вступая в мысленный диалог с моими ушедшими родными.

Встреча с антикваром

В каждом городе, который мы с Наташей впервые посещаем, мы ищем не только блошинные рынки, но и антикварные магазины. Ничто, на мой взгляд, не рассказывает о городе, его прошлом, его культуре, о степени его культурно-исторической ухоженности и об отноше-

нии населения к историко-культурному наследию так, как развитость и ассортимент этих двух институций.

Моя первая встреча с «живым» антикваром произошла в Горьком в 1972 году, в тринадцатилетнем возрасте. Это знакомство стало настоящим потрясением, изменившим мое отношение к старинным вещам.

Лето 1972 года, последнее проведенное мной в Горьком, было необычным во многих отношениях. В том числе тем, как активно дедушка поддерживал мой интерес к старине. Он всячески поощрял мою детскую страсть к коллекционированию старинных монет и металлических иконок. А за год до моих последних летних каникул, перед самым отъездом из Горького, произошло событие, укрепившее мою уверенность в том, что я буду заниматься прошлым. Дед активно участвовал в этой истории и изо всех сил выказывал мне сочувствие и поддержку.

Как-то раз в конце лета 1971 года, возвращаясь из детской библиотеки, мы с ним заметили в окне одного из неказистых одноэтажных частных домов выставленные на подоконник парные бронзовые подсвечники. Мы остановились и долго любовались ими. В груди у меня замирало и екало – наверное, как у азартного охотника, почуявшего добычу.

Дед предложил мне отнести библиотечные книги домой, а затем вернуться, зайти к обитателям квартиры и рассмотреть захватывающие дух предметы поближе, расспросить владельцев об их происхождении. Так мы и сделали. Из-за робости я долго топтался на пороге, прежде чем мы позвонили в дверь. Нам открыла светлоглазая седая старушка, которая безо всякого удивления с удовольствием впустила нас в дом. Пройдя через темные сени и войдя в комнату, я обмер от неожиданности: на стенах тикала дюжина диковинных часов, помещение было плотно заставлено старинной мебелью, фарфоровой и хрустальной посудой, бронзовыми статуэтками и подсвечниками, десятками причудливых безделушек. Не квартира – музей! Хотя нет – здесь между человеком и вещами, которые были сгружены в беспорядке, оставляя лишь узкие проходы, не чувствовалось музейной дистанции.

Как оказалось, это было временное пристанище местного собирателя и реставратора старины Василия Петровича Серебрякова. В доме, где жили он и его жена, в то время шел капитальный ремонт. Хозяин всего этого богатства был в отъезде до осени, поэтому после беглого осмотра сокровищ под доброжелательные комментарии его супруги мы договорились встретиться в следующем году. Гостеприимная хозяйка просила заходить без церемоний.

* * *

Долгие месяцы до следующих летних каникул я бредил предстоящей встречей и даже посвятил коллекции Серебрякова школьное сочинение на свободную тему, вызвав живой интерес у учительницы русского языка и литературы. От нее же я впервые услышал новое слово – «антиквар». Мне мечталось, что коллекционер возьмет меня в «ученики» и посвятит в секреты собирательства и реставрации.

Приехав в Горький на рубеже мая – июня 1972 года, я на следующий же день бросился на розыски коллекционера. С прошлогоднего жилья Серебряковы съехали, но найти их по постоянному адресу труда не составило. Я вздохнул с облегчением, увидев на подоконнике полуподвальной квартиры выставленные напоказ, вровень с асфальтом, за оконным стеклом без решеток и сигнализации, позолоченные изнутри серебряные чаши с многоцветной эмалью. Позвонить в дверь с металлической пластиной, на которой была выгравирована фамилия жильца, я, как и годом ранее, никак не решался. На подмогу вновь пришел мой дед.

На этот раз Василий Петрович был дома. Он любезно показал нам свои собрания, выставленные на поверхностях столов, шкафов и полок, разложенные в шкафах-витринах и развешенные на стенах. Сам он специализировался на фарфоре и бронзе, но попутно, про запас и на обмен, собирал все, что может представлять интерес для антикара. Он, подобно музейному

гиду, водил нас по квартире. А с какой любовью рассказывал он о своих сокровищах! Вот бронзовые часы с портретом Екатерины II на фарфоровом циферблате, подаренные императрице. Часы завещаны Эрмитажу. Вот пурпурные богемские бокалы из имения рейхсмаршала Германа Геринга. Над дверью в кабинет – картина-мозаика, выложенная из уральских камней и изображающая Симеона Столпника в пустыне. После смерти владельца она должна достаться Златоустовскому музею. В темном коридоре – шкаф со старинными русскими фарфоровыми статуэтками от Алексея Попова и других лучших мастеров царской России. Над массивным рабочим столом в кабинете – медные, латунные, серебряные, бронзовые складни, кресты, наперсные иконки XVIII – XIX веков, вызвавшие во мне зависть начинающего коллекционера.

Как сейчас вижу: Василий Петрович перебирает коробочки на столе и в его ящиках. Вот в маленьком деревянном пенальчике под стеклянной крышкой с увеличительным стеклом набор миниатюрных замков-сундуков из Павлова Нижегородской губернии. Самый маленький из них – с булавочную головку, так что разглядеть его и ключик к нему можно только под лупой. А вот китайский резной, ажурный шарик из слоновой кости величиной с вишню, со стоящим на нем слоном. Внутри хитроумно сложено еще двенадцать слоников. Если не разгадать головоломку, шарик не закрыть. У меня, с детства питавшего особую слабость к миниатюрным предметам, такого рода вещицы вызвали щенячий восторг.

* * *

Как собиратель старины Серебряков оказался в нужное время в нужном месте: трудно представить себе более благодатную для антиквара среду, чем Россия первой половины XX века. Революция, войны, террор, голодные бедствия, карточная система лишили многие предметы владельцев, превратили их в дешевое средство обмена на продукты питания и в валюту для откупа от притязаний алчных представителей «родной» и оккупационных властей, в трофеи или бесполезный хлам. К тому же Серебряков был мастер на все руки. За умеренную плату он ремонтировал все, от велосипеда до часов и ювелирных изделий. Он был в состоянии отреставрировать любой предмет, утративший первоначальный вид. С гордостью показывал он нам восстановленный им серебряный чайник начала XIX века, которым мальчишки во дворе играли в футбол. (Как я узнал почти полвека спустя от одного из старых знакомых Серебрякова, в многочисленных ящиках его стола, которые он по понятным причинам не продемонстрировал нам летом 1972 года, лежали целые коробки с геммами, рубинами и даже бриллиантами – материалом для ремонта старинных украшений.)

Да и сам старинный город – идеальное место для антиквара. Горький был буквально нафарширован стариной. Мы, мальчишки, ощущали себя там путешественниками, заброшенными на остров сокровищ: повсюду мерещились нам тайники и клады с несметными богатствами. Эти ощущения не были пустой детской фантазией. Время от времени по городу разносились газетные новости и слухи об очередной находке при сломе дома или ремонте улицы. Так, на следующий год после моих последних летних горьковских каникул в бывшем особняке местных паромоводчиков, в одном квартале от дома родителей моей матери, во время ремонтных работ был случайно обнаружен тайник с редкой коллекцией русского и европейского фарфора XVIII – XIX веков. Летом 1974 года, во время короткой поездки в Горький, я с завистью разглядывал наиболее ценные предметы из этого клада на музейной выставке...

* * *

Встреча с Серебряковым, на которую я возлагал очень большие надежды, закончилась горьким разочарованием: Василий Петрович предложил как-нибудь заглянуть к нему, но было ясно, что «когда-нибудь» – это не завтра и даже не на следующей неделе. Больше я его не видел.

В конце лета, прожужжав приехавшей за мной маме все уши про антиквара, обида на которого постепенно улеглась, и про его сокровища, я уговорил ее посетить коллекционера. Василия Петровича мы не застали. Его жена встретила нас любезно, как и годом раньше, и с радостью показала антикварные предметы, которые маму, кажется, не впечатлили.

О смерти Серебрякова в 1980-х годах до меня долетали слухи, соответствующие, как жизнь коллекционера и происхождение его коллекций, контексту советской и постсоветской эпох. Якобы на волне перестройки и ураганной криминализации страны он пал жертвой грабителей, ворвавшихся в его квартиру. Случайная встреча с его старинным знакомым в одном из нижегородских антикварных салонов летом 2020 года развеяла эти слухи. Серебряков тихо умер в начале 1990-х в своей постели, а до того жил на маленькую пенсию, приварком к которой была приватная продажа предметов старины. Эта информация, дошедшая до меня спустя несколько десятилетий после его смерти, позволила мне наконец выдохнуть с облегчением. О коротком знакомстве с Серебряковым я вспоминаю с благодарностью. Встреча с ним, несомненно, выявила мою привязанность к старым вещам и еще более укрепил ее.

Нарские: травмы прошлого

Родители отца сыграли в моей жизни значительно меньшую роль, чем Хазановы. Дед по отцовской линии умер, когда мне было пять лет, я видел его лишь несколько раз и плохо помню. К матери отца мы заезжали из Горького в Подмоскovie почти каждый год на несколько дней после моих каникул, поэтому эти визиты для меня были приложением к горьковскому детству. Однако и они имели отношение к моему интересу к прошлому, хотя и другого рода. Непосредственно от них, а еще больше от неугомонно любознательного отца, который был прекрасным рассказчиком, я много узнал о другом, чем у Хазановых, советском прошлом Нарских – трудном, неустроенном, травматичном⁹¹.

Дочь священника Мария Александровна Нарская (1894–1987) окончила в 1912 году Московское Филаретовское епархиальное училище, позднее училась в Ритмическом институте (ныне Государственный институт театрального искусства) и на юридическом факультете Московского университета (см. *ил.* 4). В своей жизни Нарская сменила множество профессий – была школьной учительницей, руководителем детского клуба на Арбате, артисткой хора Большого театра, – но тем не менее смогла выработать лишь 20 лет трудового стажа. Она получила крошечную пенсию стараниями невестки почти в семидесятилетнем возрасте. В старости она прирабатывала частными уроками музыки.

Ее муж, потомственный рабочий Павел Павлович Кузовков (1903–1964), был участником Гражданской войны, спортсменом (в середине 1920-х годов он – мастер Москвы по троеборью), профсоюзным активистом и водителем в 1930-х годах, мастером на все руки, рачительным хозяином на приусадебном участке и пасечником до конца своих дней.

Родители моего отца познакомились в середине 1920-х годов. При заключении брака Павел взял фамилию жены, что десятилетием позже помогло ему укрыться от преследований. Нарские поселились в Москве. В 1928 году у них родился сын Владимир (1928–2021), в 1931 году – дочь Виолетта (1931–2022).

В 1934 году Мария осталась без кормильца с двумя малыми детьми на руках. Незадолго до убийства С. М. Кирова, в преддверии празднования годовщины Октябрьской революции, прямолинейный Павел Нарский возмутился: значительная часть рабочей премии на Трехгорной ткацкой фабрике ушла на банкет для начальства, вследствие чего многие передовики остались без поощрения. Ему возразили, что, между прочим, и в Кремле будет торжественный банкет.

⁹¹ Подробнее о Нарских см.: Там же. С. 221–224, 447–454.

– Ну и неправильно это, – ответил он.
Вскоре его разыскал старый фронтовой друг, работавший в НКВД:
– Пашка, беги!

Ил. 4. М. А. Нарская (1894–1987). Москва, 1910-е

Ил. 5. П. П. Нарский (Кузовков) с детьми Владимиром и Виолеттой. Москва, 1934

Павел Павлович на прощание снялся с детьми у профессионального фотографа (см. ил. 5) и под прежней фамилией уехал в Сибирь, откуда вернулся в 1936 году с новой женой и малолетним ребенком.

В 1936 году Мария Нарская с детьми переехала из Москвы в Обираловку (Железнодорожный). Началось трудное время: приходилось перебиваться надомной работой, в которой участвовали и дети, а в самых тяжелых ситуациях – просить милостыню.

* * *

В 1939 году Владимир Нарский был принят в Московское государственное хореографическое училище. В мир танца он попал случайно. Мотивы для того, чтобы отдать мальчика в танцевальное училище, были самые приземленные: детей нечем было кормить, а в училище при Большом театре полагался усиленный «красноармейский» паек. По иронии судьбы у моего будущего отца, в отличие от моей мамы, обнаружились выдающиеся данные балетного танцовщика.

Но и после приема в училище проблемы выживания оставались и у Владимира («усиленное» питание в училище было платным), и у его не очень практичной матери, и у младшей

сестры, которую по знакомству устроили на обточку снарядов на военном заводе. Нужно было ежедневно бороться с вечным чувством голода.

В 1948 году Владимир окончил Московское хореографическое училище и работал солистом балета в разрушенном войной Сталине (Донецке). В 1950 году он по «сталинскому набору», под который попадали и молодые специалисты с высшим образованием, был призван в армию. Служба растянулась для Владимира Нарского на долгие три с половиной года, губительные для классического танцовщика. Демобилизовавшись поздней осенью 1953 года, Владимир понял, что физические качества, необходимые для работы в балете, утрачены. Его педагог из хореографического училища Михаил Михайлович Каверинский помог ему восстановить физическую форму. В августе 1955 года Владимир вернулся в театр в Сталино.

Там и познакомились мои родители (см. *ил. 6*)⁹². В мае 1957 года у них родилась дочь Марина, через девять месяцев умершая от заражения крови, а в январе 1959-го на свет появился я.

С 1956 года Нарские служили в Куйбышевском театре оперы и балета, с 1961 года – в Челябинском. Тамара Хазанова (под этой фамилией ее знали в театре) превратилась в опытного педагога-репетитора и постановщика с непререкаемым авторитетом. Владимир Нарский вырос в ведущего солиста балета с богатым и разнообразным репертуаром.

Вместе с 1960-ми годами закончилась театральная карьера Нарских. Папа вышел на пенсию, мама в 1970 году перешла на работу в Институт культуры. В 1970–1980-х годах отец работал в Институте культуры и в художественной самодеятельности. Затем он почти треть века провел преимущественно дома – занимался домашним хозяйством, музицировал, читал, следил за спортивными и политическими событиями, ругал или хвалил политиков, писал и декламировал стихи на частых встречах за хлебосольным столом. В начале 2021 года он умер от последствий ковида, оставив после себя пронзительную тишину, добрую память, несколько сборников «прозы в рифмах» и массу ненужных вещей, которые, помня о трудном детстве и голодной юности, он чинил-перечинивал и никогда и ни за что не выбрасывал.

⁹² О родителях подробнее см.: Там же. С. 220–230.

Ил. 6. Т. Б. Хазанова (1928–2022), В. П. Нарский (1928–2021). Сталино, 1956

Профессор-мама, последняя «вагановка», активно преподавала классическую хореографию до 2020 года и покинула Институт культуры в возрасте 91 года в разгар пандемии коронавируса. В отличие от папы, который в течение десятилетий после выхода на пенсию приспособился к другому, менее активному существованию, мама оказалась беззащитной против внезапной смены образа жизни. В последние месяцы ей не хватало творческих забот и бурления жизни вокруг. Она перерабатывала собственное прошлое и перечитывала стихи мужа. Мама пережила папу на неполных полтора года. Прощание с ней состоялось в день рождения папы: словно бы он позвал ее на свой праздник. Они прожили вместе 65 лет и воссоединились через полтора года разлуки.

А я переживаю, что недодал родителям внимания и тепла. Наверное, глядя на постаревших родителей или на их свежие могилы, это чувствуют все дети. Но от этого не легче. Я признателен маме и папе за проведенные вместе годы и пережитые вместе испытания и радости. За то, что они в течение многих лет были первыми читателями самых важных моих рукописей, включая эту. Что так долго позволили мне чувствовать себя их ребенком. Что своим долголетием вселили в меня надежду на долгие годы активной жизни впереди. И даже за то, что они походной жизнью и бытовым аскетизмом позволили мне – на контрасте – почувствовать вкус к миру старых вещей в Горьком и выработать трепетное отношение к материальным следам прошлого.

* * *

О подробностях бегства Павла Нарского-Кузовкова в 1934 году из Москвы мне в Челябинске поведал отец. Холодный, заснеженный, плоский, индустриальный, советский Челябинск был контрастом к летнему, зеленому, живописно холмистому, чистому Горькому, с его дореволюционным шармом⁹³. В челябинской квартире не было старинных вещей, быт был скорее аскетичным, походным.

Зато оперный театр, в котором ребенком я проводил субботу и воскресенье, был полон волшебства, красоты и старины. Старые замки и дворцы, соборы и площади на сцене будили фантазию. К праздничному миру, плохо совмещавшемуся с хмурыми лицами и невзрачной одеждой обитателей промышленного мегаполиса, можно было прикоснуться в буквальном смысле слова. В антрактах нам, ватаге театральных детей, позволяли играть с бутафорским оружием – кинжалами, рапирами, шпагами, мечами, дуэльными пистолетами, кнутами.

Продолжением красивой, невсамделишной театральной жизни были для меня рассказы мамы. Она умела прекрасно описывать спектакли и свои нечастые зарубежные поездки. Мама с воодушевлением говорила о научной и культурной значимости немецкого языка (в конце 1960-х она готовилась к сдаче кандидатского экзамена по немецкому), о красоте органной музыки и о справедливом обществе будущего. К 10–12 годам я обожал балетную музыку Сергея Прокофьева и фуги Иоганна Себастьяна Баха, верил в важность знания иностранных языков, мечтал повидать дальние страны и уважал Карла Маркса.

Но и наша квартира, несмотря на отсутствие старинных артефактов, кишмя кишела историями. Наши стены были полны устных преданий, которые отец собирал и многократно повторял, переиначивал и перелицовывал в рифмованные рассказы⁹⁴. За столом отец чаще всего повествовал о событиях драматичных и травматичных: о Гражданской войне и участии в ней деда, который в 1918 году в беспорядочной перестрелке под Царицыном «чуть не убил Сталина»⁹⁵, о голоде и поиске хлеба в период военного коммунизма, о репрессиях, которые захватили и семью Нарских. По доносу жившего в его доме дьякона был арестован и сослан дед отца, Павел Васильевич Кузовков – рабочий, бывший церковный староста и владелец лавки. Родной дядя Марии Нарской, выведенный за штат священник, семидесятилетний слепец Владимир Алексеевич Нарский был расстрелян в Бутове в марте 1938 года до вынесения приговора, а ее младший брат Василий умер от цинги в лагере на Колыме.

⁹³ Подробнее о челябинском детстве см.: Там же. С. 175–324.

⁹⁴ Подробнее о сохранении семейной памяти моим отцом см.: Там же. С. 358–360, 457–458; Нарский И. В. Самый счастливый человек, 2021. <https://archive74.ru/news/samyu-schastlivyyu-chelovek> (дата обращения: 18.10.2022).

⁹⁵ Нарский И. В. Фотокарточка на память... С. 457.

Ил. 7. А. С. Ничивилева (1902–1991). Челябинск, 1975 (рис. И. Нарского)

Мемуарный репертуар папы пополнялся не только семейными преданиями. Проводя время дома после выхода на пенсию, он во время многочасовых карточных игр настойчиво расспрашивал о жите-бытье мою няню, добрую, терпеливую, мудрую и смиренную Александру Сергеевну Ничивилеву (1902–1991) (см. ил. 7). Набожная курская крестьянка, которая прожила с нами четверть века, охотно рассказывала и папе, и мне о сельских обычаях дореволюционной и раннесоветской России, о поджоге дворянской усадьбы в 1905 году, о голоде 1921–1922 годов, о раскулачивании и изгнании из деревни в 1930 году, жертвой которых стала и она сама. История в ее рассказах не соответствовала тому, что я читал в школьных учебниках и в «Детской энциклопедии», в которой тома с седьмого по десятый были зачитаны мной

до дыр⁹⁶. Да и сама няня не была похожа на «кулака». Это заставляло задумываться. Задолго до окончания школы, годам к тринадцати-четырнадцати, я знал, что стану историком.

* * *

Как я уже упомянул, в детстве я регулярно навещал мать, сестру и племянницу отца. Мария Нарская жила в старом деревянном доме, утопающем в цветах и зелени фруктовых деревьев, с 1936 года. Дом был ветх и запущен, чувствовалось, что ему не хватает хозяйской мужской руки. В этом здании многое свидетельствовало о бедности и бедствиях. В 1960-х годах значительную часть самой большой комнаты в доме занимали рояль и пианино, на которых Мария Нарская зарабатывала на жизнь частными музыкальными уроками. На чердаке с одной из балок не был убран обрывок веревки, на которой десятилетия назад покончила с собой ее юная племянница. В доме было много следов прошлого, но они казались мне какими-то неприкаянными, неухоженными. Старинная мебель, книги и фотографии пахли плесенью, пол был нечист (что особенно чувствовалось после образцового хозяйства Нины Хазановой), старинные предметы были пыльны и покрыты пятнами патины, покрывала на кроватях напоминали отсыревшую ветошь.

Там были интересные для меня предметы – елизаветинская денга 1747 года, принадлежавшая в 1930-х годах моему будущему отцу, семейная икона конца XIX века, старинный фамильный альбом 1913 года. О них мне рассказывал папа, и я в течение зимних месяцев мечтал увидеть, потрогать их, а если получится, то стать обладателем какой-нибудь из этих вещей. Я был уверен, что они сложены в образцовом порядке на почетных местах, как это было принято в квартире Хазановых. Но по приезду в Железнодорожный их приходилось искать в сундуках, ящиках буфета, в комод, шкафах, где вожаемые предметы в конце концов обнаруживались среди нагроможденного хлама.

Это было другое отношение к прошлому. Но у Нарских оно было не менее интенсивным, чем у Хазановых. И встреча с пугающим былым возбуждала не меньше, чем соблазнительное прошлое «прекрасной эпохи» рубежа XIX – XX веков, времени детства и молодости отцов и матерей моих родителей.

Б. Детство в старинном доме (Н. Нарская)

Совсем не сразу блошинные рынки стали неотъемлемой частью наших поездок и путешествий. За нескончаемыми разговорами и рассказами друг другу о любимых бабушках и дедушках, своих дорогих родителях, родных и друзьях, пережитых историях все более четко проступали очертания (наших) далеких миров, ушедших, прожитых и все же оставшихся с нами. Мы все больше радовались, что способны понять и поддержать друг друга из нашего «сегодня» в успехах и неудачах, радостях и горьких печалях, оставшихся там, в прошлом, а при соприкосновении с предметами или историями «оттуда» живо всплывающих в нас теперешних.

Мне было намного проще познакомиться с прошлым Игоря, чем ему с моим. В первые же дни нашего знакомства он преподнес мне в подарок свою книгу «Фотокарточка на память»⁹⁷, которую я с трепетом и радостью приняла и прочла. Именно эта книга очень сблизила нас. В описанных в ней ощущениях, переживаниях и радостях многое было знакомым и волновало. В книге есть фотографии предметов из прошлого семьи, с которыми связано множество историй, бытовых ритуалов, ярких воспоминаний.

⁹⁶ См.: Советская энциклопедия. М., 1958. Т. 7: Из истории человеческого общества. Т. 8: Наша Советская Родина. Т. 9: Зарубежные страны. Т. 10: Литература и искусство.

⁹⁷ См.: Нарский И. В. Фотокарточка на память...

В последние годы в нашем доме появились важные для нас обоих вещи. Некоторые из них были упомянуты в «Фотокарточке на память», другие нет. Объединяет их то, что они присутствовали в детстве Игоря, потом были утрачены, а в последние годы как бы вновь обретенны. Вернее, столкнувшись с их точными копиями на блошинных рынках, мы не смогли пройти мимо. И теперь они восполнили пустоты детского пространства, затертости из уютной картинки мира детства. Мы добавили еще часть недостающих стеклышек к разноцветной мозаике прошлого, якобы ежедневно удаляющегося от нас. Мы попытались восстановить, ощутить и почувствовать наше личное прошлое, погрузиться в этот мир вновь.

Для Игоря такими находками стали двойники предметов из детства в Горьком и Челябинске 1960-х годов, восстановленные покупками в Москве, Челябинске, Казани и Новосибирске. Для меня опорами памяти стали немногие сохранившиеся предметы из дома родителей мамы: старинный комод и бабушкины вещицы с его поверхности, напольное зеркало, старые фотографии, красивое черное бархатное платье с цветком, искусно выполненным из бархата, бабушкино рукоделие и ее подарки мне. Много лет назад после ограбления съемной квартиры пропали бабушкины наручные часы, позолоченные, на черном ремешке из тонкой лайковой кожи, которые достались мне после ее ухода. Тогда для меня это была самая большая потеря.

На обратной стороне корпуса часов, на крышке, была выгравирована дарственная надпись, которую теперь с точностью я не могу воспроизвести. Хорошо помню ее начало, каллиграфическое написание бабушкиного имени «Доре...». Убеждена, что текст начинался со слов «Доре Сергеевне в день 60-летия» (или 65-летия). Как и остальные украшения, бабушкины часы тогда не нашли, несмотря на все мои попытки разыскать и выкупить их. Поэтому, когда на базельском блошином рынке я увидела знакомые по форме, размеру и цвету женские наручные часы на черном потертом ремешке лайковой кожи, оставить⁹⁸ их там я уже не могла. Оставить означает отложить покупку или подумать и не купить, но вещь, скорее всего, уйдет навсегда, будет продана, испорчена, выброшена, и ответственность в принятии этого решения всегда давит морально, не хочется расширять количество историй с горьким привкусом утрат не приобретенных, но понравившихся, тактильно изученных, детально рассмотренных, впечатливших и заинтересовавших нас предметов.

Каждая такая находка провоцирует нас на долгие беседы, расспросы, воспоминания, предположения. Каждая из них обязательно возвращает в те времена, где ведут разговоры бабушки и дедушки. Где они и другие, живые и молодые наши близкие наряжаются, смеются, читают, поют, играют на инструментах, оберегают семью и уют в доме, готовят нас к школе, тревожатся за нас, радуются, гордятся нами, старательно и ответственно кормят и неустанно заботятся.

Старый дом

Значительная часть моего детства прошла в старинном доме родителей мамы. Многие из самых ярких детских воспоминаний связаны именно с ним. Этот дом не раз переживал приключения, одно из которых было особенно необычным. В начале 1970-х годов при не вполне проясненных и документально не отраженных обстоятельствах он отправился в небывалое путешествие. Он переехал из центра Челябинска на лежащую в 15 километрах от города (в двадцати шести от Челябинского вокзала) железнодорожную станцию Полетаево. В поселке при станции, открытой в 1892 году в ходе строительства Транссибирской железной дороги, с 1950 года жили мои бабушка и дедушка, Дора Сергеевна и Виктор Михайлович Мальковы.

Дом, в котором в детстве я провела очень много невероятно счастливых дней, месяцев и лет, был построен в Челябинске, на углу Екатеринбургской (ныне Кирова) и Семенов-

⁹⁸ Есть в нашем с Игорем «блошином» словаре такое важное слово.

ской (Работниц) улиц в начале XX века (см. *ил. 8*). Согласно ведомостям по раскладке налога на имущество⁹⁹, между 1901 и 1908 годами он принадлежал мещанину Алексею Владимировичу Волкову, оценивался в 800–1500 рублей и облагался государственным, земским и городским налогом в сумме от 2,5 до 28 рублей¹⁰⁰. Дом многократно перестраивался. В начале XX столетия число комнат в нем менялось, дом крылся то дранью, то железом. Кроме того, он имел флигель в одну комнату с сенями и несколько надворных построек, в которые в разное время входили лавка, два амбара, одна-две завозни¹⁰¹, сарай, конюшня, баня, погреб.

В советское время дом был национализирован и превращен в коммуналку, в которой проживало до восьми семей. В 1960-х годах дом по адресу ул. Кирова, 48а, принадлежал районному жилищному управлению Центрального района. Судя по решениям исполкома о распределении жилья, в некоторых комнатах размером от 9 до 15 метров проживало от двух до шести человек¹⁰². Дом считался «старым, неблагоустроенным», но, в отличие от многих расселявшихся построек, не был в аварийном состоянии.

В середине 1960-х годов исполком принял решение о сносе пришедших в аварийное состояние соседних деревянных зданий по улицам Кирова и Работниц. Вероятно, в начале 1970-х годов было решено снести и бывший дом Волкова. Еще в ноябре 1972 года одну из комнат расселявшегося дома исполком передал милиции «для выполнения условий оперативной работы»¹⁰³. А дальше произошло с точки зрения советского жилищного законодательства невероятное: снесенный дом возник на новом месте, в поселке Полетаево, причем как частное владение Мальковых.

Ил. 8. Бывший дом А. В. Волкова. Челябинск, ул. Кирова, 48а. Фото В. Д. Гайдаша, 1969

⁹⁹ Благодарим Н. А. Антипина за предоставленную архивную информацию.

¹⁰⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. И-3: Челябинская городская управа. Оп. 1. Д. 661. Л. 402–403; Д. 698. Л. 593–594; Д. 843. Л. 530–531; Д. 929. Л. 584–585. Благодарим Н. А. Антипина за предоставленную архивную информацию.

¹⁰¹ Вид сарая, пристроенное к амбару помещение для телег и саней.

¹⁰² ОГАЧО. Ф. Р-995: Центральный районный Совет народных депутатов города Челябинска и его исполнительный комитет. Оп. 5. Д. 38. Л. 143, 262, 269–270; Д. 60. Л. 39–40; Д. 67. Л. 33–34; Д. 98. Л. 356–357; Д. 176. Л. 282–283; Д. 226. Л. 323–324; Д. 227. Л. 153.

¹⁰³ Там же. Д. 176. Л. 282.

* * *

Отсутствие официальных объяснений этой метаморфозы заставляет обратиться к семейному преданию. Согласно воспоминаниям мамы и ее старшего брата, Владислава Викторовича Малькова, дом «переехал» и поменял собственника благодаря стараниям брата моей бабушки Петра Сергеевича Радченко, ветерана войны, работавшего в те годы начальником гаража Челябинского рыбоперерабатывающего завода. Видимо, авторитета и влияния бабушкиного брата хватило, чтобы получить разрешение перевезти подлежащий сносу дом на станцию Полетаево. Право самостоятельно разобрать дом, не позволив разрушить его экскаватором, стоило 2 тысячи рублей. Говорят, правда, что через много лет дом грозились отобрать как представляющий историческую ценность. Но все обошлось.

Ил. 9. Бывший дом А. В. Волкова на новом месте. Станция Полетаево, ул. Восточная, 2аб. Зима 1972/73 года

Как бы то ни было, мужская часть родни Мальковых аккуратно разобрала дом, пометив все его элементы, а затем, зимой 1972/73 года, собрала на новом месте, на улице Восточной (см. *ил. 9*). Дом разгородили на две семьи, превратив пять исходных больших помещений в две поместительные кухни, две просторные гостиные, детскую и две взрослые спальни. Одну половину дома заняли родители моей мамы, другую – семья их младшего сына Александра.

Это был очень заметный, может быть самый большой в Полетаево бревенчатый дом площадью 120 квадратных метров на высоком каменном цоколе. Вросший в Челябинске за десятилетия в землю на полметра, на новом месте он гордо демонстрировал метровое в высоту каменное основание. Дом под добротной железной крышей красовался шестью и пятью окнами с наличниками под резными дугобразными карнизами на «парадных», фасадных стенах, выходивших в Челябинске на улицы Кирова и Работниц. Его украшали парадный вход с высоким крыльцом и оригинальной входной дверью, бережно восстановленные элементы резного декора вокруг окон, под крышей и на углах фасада. Перед домом был разбит палисадник с цветами, кустами малины, стояла прямая и высокая черемуха. За низким и легким штaketником

пышно росли кусты сирени. По обе стороны дома были просторные, особенно со стороны дяди Саши, дворы с постройками – дровяными и угольными сараями, курятником, баней (со временем их стало две), гаражом. За домом простирался большой огород в 14 соток.

Жилые и нежилые части этой усадьбы производили на ребенка противоречивые впечатления. Дом запомнился мне как очень просторный, с массивными «родными», белыми двойными межкомнатными дверьми, чистыми, светлыми комнатами с высокими потолками. Гостиные были просторными, у бабушки с дедом – на три окна, у семьи их младшего сына Александра – на пять. Для нас с двоюродным братом, верным и самым надежным другом Андреем, пространство для игр расширялось опрятными уголками и уютными закутками, доступным нам пыльным и забитым вещами чуланом, огромным и высоким страшным подвалом под всем домом и местом под крышей, куда нам, детям, залезать было запрещено. Здание было для меня идеальным воплощением детского представления о несокрушимом доме-крепости, защищающей от любой опасности:

Мир дома замкнут и устойчив. Это защищенное пространство, в котором можно чувствовать себя в безопасности. Дом – это всегда определенным образом организованное людьми пространство с постоянным набором вещей, стоящих на своих местах, и постоянными жителями – членами семьи¹⁰⁴.

Полетаевский дом я помню в деталях – так, словно только вчера покинула его. Впрочем, я его и не покидала, он продолжает жить во мне, как часть меня. Поэтому мне нетрудно детально описать его и обстановку, особенно половину, на которой я гостила у бабушки и дедушки.

* * *

До дома было рукой подать от железнодорожной станции. Обойдя справа длинное одноэтажное кирпичное здание вокзала конца XIX века, вы вскоре попадали на Почтовую улицу и, перейдя ее, оказывались на Восточной. Первый дом по левой стороне стоял странно далеко от начала улицы, метрах в ста – ста двадцати, и принадлежал Мальковым.

Парадная дверь над высоким крыльцом с правой части фасада обычно была под замком и открывалась изредка, как правило только во время уборки и для проветривания сеней. Если дверь в воротах была заперта, нужно было, открыв защелку на калитке палисадника, справа зайти в него и, едва дотягиваясь до форточки внизу окна, постучать в стекло. В окне показывалось сияющее родное лицо бабушки или дедушки: в доме всегда были рады гостям, и дом Мальковых был центром притяжения многочисленной родни. В доме не было телефона. Поэтому близкие часто заглядывали сюда без предупреждения.

Но вот вы во дворе. За воротами справа вдоль забора лавка, за ней врос в забор с соседями большой клен. Слева, с правой боковой стороны дома находится низкий вход в светлые сени-веранду, где, замирая от радостного ожидания встречи, нужно подняться на три высокие ступени, чтобы оказаться на уровне пола. Слева на застекленной веранде стоят стул и стол для хозяйственных нужд (зимой здесь хранятся продукты, соленья, замораживаются слепленные бабушкой пельмени в форме вареников, а летом стоит бабушкин квас и компот), справа за дощатой дверью – чулан с оконцем, топчаном, книжной полкой и столом: здесь уединяется для чтения и отдыха дедушка. Из окна чулана видна высокая приставная лестница, по которой с улицы можно, набравшись смелости, по-партизански, тайком от взрослых, взобраться к смотровому окну и заглянуть на чердак.

¹⁰⁴ Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2004. С. 39–40. О феноменологическом значении дома для человеческого сознания см. также: Башиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004. С. 8–113.

Через толстую, тяжелую и широкую, обитую брезентом дверь напротив входа в сени вы попадаете в просторную, метров двадцати, кухню в два окна, выходящие в палисадник. Не оступитесь: между помещениями – высокие порожки. Перед вами вытянутая налево кухня-столовая. Напротив – длинная стена, за которой находится спальня. Слева – внешняя стена в два окна на улицу Восточную. Справа от входа, в стене напротив окон – всегда распахнутые большие двухстворчатые белые двери в гостиную.

Слева от входа перпендикулярно стене – встроенный шкаф-прихожая для верхней одежды, обуви и головных уборов. Внутри, на правой боковой стенке шкафа, на уровне роста ребенка есть крючок для детской одежды, которая торчит, распирая дверцу, если в гостях внуки. Дедушка вешает туда цветные хозяйственные сетки, с которыми ходит в магазин.

Теперь давайте обойдем кухню по часовой стрелке. За шкафом спряталась стиральная машинка цилиндрической формы, далее вдоль стены стоит простой фанерный посудный буфет фисташкового цвета. Дедушка красит его сам, поэтому оттенки изредка меняются. В буфете хранится красивый чайный сервиз и другая посуда, которую дедушка с бабушкой привозили из Ленинграда и Казани. За стеклом вставлены актуальные фотографии внуков из детсада, школы, армии. Внуками дедушка с бабушкой гордятся, за всех болит душа. Здесь же стоит маленькая матовая вазочка из серого металла на низкой ножке, с тяжелой куполообразной крышечкой, на которой по краю проходит изящный орнамент из ленточек и синих цветочков. (Взрослой я узнаю, что это была пудреница.) Бабушка складывает в нее мелочь – двушки и копейки. Как мне в детстве нравилась эта вазочка! Я брала оттуда двухкопеечные монетки, чтобы, когда сильно заскучаю, с почтамта позвонить на работу маме и папе.

В нише буфета стоят вазы с печеньем, конфетами и пряниками. Бабушка спешит угостить любого из внуков, внезапно и даже на минутку появившихся в доме. Красивая круглая металлическая вазочка с ручкой, похожая на лукошко, всегда стоит наполненная вишневым или черносмородиновым вареньем для дедушкиного чаепития. Вместо сахара он кладет в чай пару ложек душистого варенья. Здесь же обязательно лежит простая карамель. Мы с братом на нее не претендуем, но удивляемся, что дедушка с удовольствием пьет чай с карамелью. По его рассказам, раньше пили чай с сахаром вприкуску, откалывая от купленной на ярмарке большой головы сахара кусочки. Бабушка, когда ждет гостей и печет булочки, всегда кладет в одну из них карамельку «на счастье» или загадывает что-то, но не всегда раскрывает нам свой секрет.

Будучи беззаботными детьми, окутанными любовью, с ощущением счастья и безопасности, мы не очень настойчиво пытаем бабушку о загаданных ею желаниях, просто поедаем вкусные булки или пирожки, не всегда следуя просьбе поест за столом, не растаскивая крошки по дому и не рискуя поперхнуться. Но мы спешим, ведь нас с Андрюшей ждут интересные дела и приключения, которые нельзя отложить, иначе пропустишь много важного.

Теперь я часто вспоминаю бабушкины сюрпризы. А она умела удивлять, и я могу только догадываться, какие радости и страхи тревожили нашу дорогую, всех понимающую, принимающую и обнимающую душой бабушку Дору. Что загадывала она, доверяя только самодельному тесту свои чаяния и переживания, заворачивая в пельмени копеечную монетку или подкладывая карамельку в сладкую выпечку?

За буфетом, в углу – деревянный столик-этажерка, покрытый небольшой светлой накидкой. На нем большая стопка прочитанных газет, над столиком висит настенный календарь с пометками и записями. После смерти бабушки дедушка записал на полях календаря пронзительное обращение к ней о предстоящем одиночестве. Над календарем – белое квадратное радио, оно работает почти всегда.

Дальше от левого угла по периметру кухни-столовой на стене, выходящей на улицу и в палисадник – два окна с занавесками на железных карнизах с металлическими держателями на кольцах с «крокодильчиками». На широких подоконниках растут в горшках герань и бор-

довые цветы «граммофоны» с замшевыми листьями. Темные, почти черные венские стулья стоят у стола под обоими окнами, в простенке между окнами висят часы с кукушкой и шишками-гирями на цепях. Под ними небольшая, но хорошо узнаваемая репродукция картины Василия Перова «Охотники на привале» (1871). Приставленный к простенку большой круглый обеденный стол накрыт клеенкой, на нем стоят часы с темно-зеленым циферблатом. Они имеют форму тяжелого граненого хрустального диска на подставке. Это – подарок бабушке от родных. Слева от часов – глиняная кофейная кружка, рисунком и цветом похожая на печатный пряник, в которой бабушка держит «под рукой» ручки и карандаши. Рядом – газета с программой телепередач, где уже отмечены те, которые нельзя пропустить, а также коричневый тисненый очечник с изображением мужчины и надписью «Человек в футляре».

Однажды, когда я гостила у них в возрасте 15–16 лет, бабушка приподняла край клеенки и извлекла из-под нее газетную вырезку с небольшой статьей «Девушка-кавалерист» и портретом девицы в гусарском мундире с внешностью Лермонтова из школьного учебника литературы. Бабушка рассказала мне о прочитанном и восхищалась храбростью девушки. Но я почувствовала какое-то особенное трепетное отношение к этому клочку газеты. Случайно перевернув вырезку, я обнаружила опубликованные стихи, которые странным образом точно совпали на газетной полосе с размером статьи. Они зачаровывали ритмом и эмоциями. Это были стихи, которые я сразу приняла, полюбила и быстро выучила наизусть: «Сон» Николая Гумилева (1914) и «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...» Бориса Пастернака (1918). Конечно, моя лиричная бабушка, которая всегда сама старалась писать для своих близких стихи к праздникам и на дни рождения, была очарована этими строчками. Но постеснялась и не решилась прочесть их мне. Чуть смущаясь, она передала мне эту вырезку в надежде, что послание достигнет меня. Я храню ее до сих пор.

Справа от второго окна, в начале длинной стены, противоположной входу в кухню, над стулом висит большое овальное зеркало. Сверху по обеим сторонам зеркала висят небольшие треугольные кашпо «под березку», из которых спускаются цветы – воздушные нежно-зеленые мягкие веточки-«елочки». Под зеркалом висит небольшая ажурная рамка, много лет назад искусно выпиленная из дерева к празднику Восьмого марта старшим сыном бабушки Юрием. Она покрашена в бежевый цвет. В овальное окошко в центре вставлена поздравительная открытка с цветами.

Справа от зеркала, за двустворчатыми дверями – спальня. Левая дверь распахнута наружу, а правая всегда закрыта. В открытую дверь видно деревянную этажерку с книгами, бабушкин комод, а на нем – вазу с искусственными гвоздиками, часы и цветной фотопортрет юной бабушки. Над комодом висит большая картина, узнается фрагмент «Незнакомки» Ивана Крамского (1883).

У правой закрытой двери на кухне стоит венский стул, а дальше – кухонный бабушкин стол-тумба с электрическим самоваром. Над столом висит прямоугольное зеркало: в него бабушка, не оборачиваясь, видела, кто заходит в дом. Перед столом – очень тяжелый съемный деревянный люк в подпол с массивным железным кольцом. Под ним – таинственное темное пространство для хранения овощей и хозяйственных принадлежностей. Как и чердак, это – место детских приключений, к которым мы еще вернемся. Справа от стола, в углу, – высокая необлицованная печь-голландка. Она тянется вдоль короткой правой стены почти до дверей в зал. Двери всегда распахнуты внутрь на обе стороны. За ними видна комната с окнами во внутренний двор и большой огород. Высоко справа от раскрытых дверей – навесное, под наклоном, большое зеркало начала 1950-х годов ручной работы в темной деревянной раме с резными украшениями. Само зеркало имеет еле заметную кривизну, поэтому сверху изображение искажается и чуть плывет, что странно и неприятно пугает меня. Его бабушка заказывала у местного столяра еще для предыдущего полетаевского дома. Под зеркалом – умывальник с раковиной и умывальными принадлежностями на стеклянной полке.

В стене между печью и навесным зеркалом – двустворчатые двери и высокий порожек в светлую и по советским меркам просторную гостиную (более 20 метров) с тремя окнами с видом на огород и двор. На полу гостиной лежит гладкий квадратный вишневый палас. Комната не загромождена мебелью. Слева от дверей, почти посреди комнаты, стоит дедушкино кресло с журнальным столиком для газет модной в 1960-х каплевидной формы. На столике – газеты и дедушкины очки в роговой оправе. За ним в углу – пылесос, а левую стену до окна занимают шифоньер и диван с думочкой, на котором, головой к окну, ночевала я. На шифоньере стоят три композиции каслинского литья. Мягкая мебель одета в красивые темно-коричневые с мелким рисунком вельветовые чехлы с кистями. Над диваном висит репродукция картины Алексея Саврасова «Грачи прилетели» (1871). Между окнами в раме темного вишневого дерева стоит высокое напольное трюмо с фигурными ножками работы того же полетаевского мастера, с таким же деревянным декором и съемным навершием. На столике трюмо – длинная прямоугольная вышитая лаконичным орнаментом серая льняная салфетка. На ней лежит книга и зеленый очечник-«сапожок» из лаковой кожи. Под вторым окном стоят еще два венских стула, справа от окна в углу – телевизор. Под третьим окном напротив дивана (в правой стене) – второе кресло, парное дедушкиному. Справа от третьего окна – стол, покрытый бежево-коричневой скатертью с кистями. На столе шахматы, газеты и книги для актуального чтения. Далее в углу – холодильник. Над столом – еще одна большая репродукция, «Рыболов» Перова (1871).

Вернемся на кухню, чтобы попасть в спальню. Вход в нее – слева от бабушкиного рабочего стола. Узкая спальня с одним окном в палисадник образована из комнаты, разделенной продольно на два помещения (вторая часть превращена в детскую спальню на половине дяди Саши), и довольно тесна. Слева от входа стоят столик со швейной машинкой «Зингер» и высокая элегантная этажерка с цветком в горшке. Напротив нее – полка с книгами. Далее вдоль длинной стены красуется одно из первых приобретений бабушки и дедушки после женитьбы – темный комод из купеческого дома, купленный на толкучке в Троицке в 1930-х годах. На нем – ваза с искусственными цветами, портреты молодых бабушки и дедушки, несколько безделушек, которые я любила разглядывать в детстве, подаренные дедушке часы-будильник с несколькими мелодиями, бабушкина «Красная Москва» и дедушкин одеколон с резиновой грушей-распылителем. Над комодом висит большая репродукция картины «Неизвестная» Ивана Крамского (1883). Справа от комода стоят венский стул и двуспальная кровать бабушки и дедушки. Над кроватью висят набивной плюшевый коврик с изображением оленей и бабушкин ридикуль, в котором она хранит какие-то бумаги и письма. Трогать его нельзя. Он висит высоко, бабушка редко доставала его, но когда открывала застежку, то аромат «Красной Москвы» – единственное, что мне было понятно и запомнилось. В спальне же хранились и музыкальные инструменты дедушки – гитара, мандолина, балалайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.